

Buychik, A., & Tomanek, A. (2025). From the creation of the present to the future heritage: Digital, hybrid and intangible artifacts as future objects of klironomy — scenarios, ethics and criteria of anticipatory interpretation. *Actual Issues of Modern Science. European Scientific e-Journal*, 39, 7–25. Ostrava.

DOI: 10.47451/her2025-11-01

The paper is published in Web of Science, Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, and WebArchive databases.

Alexander Buychik, Doctor of Economical Sciences, Ph.D. in Social Sciences, Supervisor, European Institute for Innovation Development, Tuculart Holding. Ostrava, Czech Republic.

ORCID 0000-0002-2542-4198

info@buychik.eu

Anisiia Tomanek, Master of Social and Cultural Sciences, Chief Director, European Institute for Innovation Development, Tuculart Holding. Ostrava, Czech Republic.

ex@tuculart.eu

From the Creation of the Present to the Future Heritage: Digital, Hybrid and Intangible Artifacts as Future Objects of Klironomy — Scenarios, Ethics and Criteria of Anticipatory Interpretation

Abstract:

The relevance of this study is determined by the transformation of the concept of cultural heritage in the twenty-first century, whereby it ceases to be a static object of conservation and becomes a dynamic process of anticipatory selection. Under conditions of digitalisation, cultural hybridisation, and the growing significance of intangible creative forms, the boundaries between the past, present, and future have become permeable, requiring a new theoretical and methodological framework. The study focuses on developing klironomy — a metadisciplinary field concerned with the continuity of cultural being — which interprets heritage as a process of self-organisation and the projection of future meanings. The scientific novelty of the study lies in the formulation of a klironomical model for identifying and interpreting cultural phenomena as potential objects of future heritage. For the first time, the concepts of heritage futures, digital and intangible heritage, the philosophy of culture, and the ethics of selection are integrated into a unified system explaining the mechanisms of cultural continuity. An original typology of future klironomical objects is proposed, along with a model of anticipatory interpretation criteria encompassing temporality, cultural innovation, social resonance, technological sustainability, and ethical admissibility. The subject of the study is the contemporary human being as the bearer and creator of cultural meanings, determining which phenomena of today will become the heritage of tomorrow. The object of the study comprises material, intangible, and *born-digital* forms of culture considered in their potential for continuity. The study aims to elaborate the theoretical and methodological foundations of klironomy and to develop a model of interpretation applicable to the assessment of digital and hybrid artefacts. The methodology combines philosophical, cultural, and sociotechnical approaches through interdisciplinary synthesis, systemic and comparative analysis, content analysis of scientific and regulatory sources (UNESCO, ICCROM, PERSIST), and scenario-based modelling (foresight). This approach made it possible to conceptualise heritage as a self-organising system that unites processes of meaning-generation with the technologies of preservation. The results include a clarification of the conceptual field (*heritage futures*, *born-digital*, *intangible heritage*, *klironomy*), the development of a matrix typology of future heritage objects, and the identification of four scenarios for their formation — conservative, innovative,

hybrid, and networked. The proposed klironomical model of criteria was tested on examples of digital art, virtual museums, and craft communities. The authors conclude that the contemporary and the new can be regarded as future heritage objects when interpreted through the lens of klironomy. Klironomy is thus affirmed as an integrative framework that unites philosophy, cultural studies, technology, and ethics into a coherent system of knowledge on the continuity of cultural being, opening perspectives for museum, educational, and research practices aimed at preserving the future through a reflective present.

Keywords: klironomy, future cultural heritage, heritage futures, born-digital artefacts, intangible heritage, hybrid culture, anticipatory interpretation, cultural continuity, digital heritage, ethics of cultural selection.

Abbreviations:

ICH is intangible cultural heritage.

Introduction

In recent decades, the concept of cultural heritage has moved beyond the classical understanding of monuments and traditional artefacts, transforming into a complex interdisciplinary construct that encompasses not only material objects from the past but also contemporary cultural phenomena—both physical and digital—as well as the dynamic practices of intangible culture. This transformation arises from the fact that contemporary artefacts and practices, originally created as expressions of the “present”, acquire the potential for future continuity, becoming objects of cultural memory for generations to come. The problem of anticipatory interpretation of such phenomena is not only theoretical but also practical, since criteria of selection determine academic, restoration, and policy decisions. In this context, the conceptual paradigm of *heritage futures* offers a rethinking of heritage as a process of shaping and projecting future values rather than merely recording the past ([Harrison et al., 2020a](#); [Harrison et al., 2020b](#); [Holtorf, 2024](#)).

Contemporary challenges are linked to the accelerated digitalisation of cultural life, the emergence of born-digital artefacts, hybrid creative forms, and the representation of intangible practices in media and social environments. Within this landscape, traditional mechanisms of selection and preservation have lost their adequacy, as they remain focused on historical objects and physical carriers. At the same time, the practices of intangible cultural heritage, recognised in international conventions ([Convention..., 2003/2022](#)), demonstrate that living tradition is not only “what has been”, but also what can be maintained, developed, and reproduced through social practices and communication. Consequently, there arises the need for a theoretical and methodological framework that could integrate the principles of *heritage futures*, digital and intangible heritage, and introduce the notion of *klironomy* as a metadiscipline of cultural continuity. In this study, klironomy is understood as a science of anticipatory interpretation of cultural phenomena with the purpose of their potential future canonisation.

The relevance of the study is defined by several factors. First, global processes of digitalisation and media transformation have generated phenomena that do not fit within the traditional categories of cultural heritage, yet may become objects of future memory. Second, methodological approaches to the selection of future heritage objects remain underdeveloped and lack a coherent theoretical model, which limits their applicability in practice. Third, the shift

from a conservative preservation paradigm to an anticipatory one requires a new ethical and epistemological foundation capable of reflecting the complexity of contemporary cultural forms and social practices. The results of this study are significant not only for theorists in cultural studies and philosophy of art but also for practitioners in museums, archives, cultural heritage policy, and education.

The novelty of the study lies in developing theoretical and methodological foundations for the klironomical interpretation of digital, hybrid, and intangible artefacts as potential objects of future heritage. Unlike existing studies that either focus on material monuments of the past or describe the preservation of born-digital artefacts without philosophical reflection, the proposed conceptual framework unites anthropocentric, technological, and sociocultural perspectives into a unified model of anticipatory selection and interpretation. This enables the consideration of contemporary creativity and cultural practices as elements of dynamic continuity capable of enriching future cultural memory.

The subject of the study is the system of professionals—heritage researchers, art theorists, philosophers of culture, and museum practitioners—whose activities are directed towards the interpretation and selection of cultural phenomena for future continuity.

The object of the study comprises contemporary cultural phenomena, including born-digital artefacts, hybrid artistic forms, and dynamic intangible practices, which may be actualised as future objects of klironomy.

The study aims to develop a theoretical and methodological model for the anticipatory interpretation of contemporary cultural phenomena—digital, hybrid, and intangible—as potential objects of future cultural heritage.

This purpose is achieved through the following objectives:

- define the current state of heritage futures theory and its relation to klironomy;
- analyse the conceptual frameworks and criteria for identifying born-digital, hybrid, and intangible phenomena;
- develop a model of anticipatory selection with an ethical dimension;
- propose practical guidelines for implementing the developed model in scholarly and professional practice.

The significance of the research results manifests in several dimensions. Theoretically, the proposed model expands the philosophical foundations of heritage studies by introducing klironomy as a meta-construct of continuity. Methodologically, it provides a systematic toolkit for selecting and interpreting phenomena that traditionally fall outside classical heritage frameworks. Practically, the findings can be applied by museum specialists, archivists, creative industries, and educators in developing strategies for working with contemporary cultural phenomena. Finally, for students and early-career researchers, the study offers a framework for integrating philosophical, cultural, and technological approaches to the analysis of complex cultural artefacts.

Methods

In contemporary humanities, the study of cultural heritage requires a wide spectrum of scientific methods that ensure a comprehensive understanding of the investigated phenomenon.

Research on the anticipatory interpretation of digital, hybrid, and intangible cultural forms as potential future heritage cannot be conducted without the use of both general scientific and specialised methods inherent in cultural studies, philosophy of culture and art, media theory, and digital humanities.

At the general level, the historical-logical method plays a leading role, enabling the reconstruction of the evolution of the concepts of “heritage”, “culture”, and “art”, and their transformation in the modern context. It allows for identifying how traditional categories of cultural heritage relate to new phenomena within digital and hybrid cultural environments and how the very notion of continuity changes over time. The historical-logical approach is particularly useful for comparing international policies, normative frameworks, and theoretical paradigms such as *heritage futures*, as reflected in documents of UNESCO/PERSIST (*The UNESCO...*, 2016; *The UNESCO...*, 2021) and ICCROM (*Anticipating Futures for Heritage*, 2023).

A comprehensive systems analysis makes it possible to treat cultural heritage not as an isolated entity but as an interrelated complex encompassing material, intangible, and digital dimensions. This method facilitates the identification of structural interconnections among the components of the cultural field and models of future heritage, which is especially important when analysing hybrid and born-digital phenomena that transcend disciplinary boundaries. It also allows the integration of social practices, media representations, and digital networks into the study of cultural memory formation.

A key methodological instrument is conceptual analysis, ensuring the establishment of a clear theoretical vocabulary. The notions of klironomy, anticipatory selection, born-digital, hybrid artefacts, and temporal continuity require definitional clarification and correlation with existing discourses in cultural studies, philosophy of culture, and media theory. Conceptual analysis helps delineate semantic boundaries, identify internal relations, and reveal ambiguities and contradictions, thereby strengthening the epistemological coherence of the study.

Qualitative content analysis, focused on the systematisation of scholarly publications, policy documents, and case studies, is employed to detect dominant themes, methods, and arguments in the literature on heritage futures, digital preservation, and intangible heritage. This approach reveals both the empirical scope and typological tendencies of current debates, exposing conceptual gaps and emerging directions. It provides the basis for constructing a matrix of criteria for the anticipatory selection of potential heritage objects.

Among the specialised methods typical of cultural studies and philosophy of art, comparative analysis plays a vital role. It enables the correlation of diverse cultural practices and digital phenomena with existing heritage models and the identification of diagnostic properties that may serve as indicators for inclusion in future heritage registers. Comparative analysis also integrates cultural, social, and technological parameters that determine the durability and continuity of cultural forms.

The phenomenological approach, drawn from the philosophy of art and cultural theory, allows the exploration of lived experience among participants of cultural practices, creators of digital and hybrid artefacts, and their audiences. This approach reveals the non-material dimensions of continuity, which are embedded not in physical media but in emotions, meanings, and social relations. It further illuminates the value foundations upon which practices of preservation and transmission are built.

Methods of futurological research, including *foresight* and scenario modelling, play a pivotal role in constructing an anticipatory model of selection. These methods enable the systematic analysis of potential trajectories in the evolution of cultural practices and technological environments, assessing not only current features but also the long-term sustainability of phenomena. Scenario modelling helps to identify alternative futures for heritage and to evaluate their plausibility, risks, and ethical implications.

When analysing born-digital resources and hybrid forms, digital methodologies are applied, encompassing the analysis of digital traces, platform data, and media realisations. These tools provide access to empirical materials unavailable through conventional archival sources, allowing the assessment of the dynamics of cultural processes occurring in digital environments. In combination with qualitative approaches, digital analysis reinforces the empirical foundation of anticipatory interpretation.

Specialised methods of the philosophy of culture and art, such as semiotic analysis and critical theory, assist in deconstructing cultural symbols, codes, and practices, uncovering their meaningful structures and long-term cultural potential. They are particularly relevant for hybrid artistic forms where distinctions between medium, form, and meaning become blurred.

Thus, the proposed methodological strategy is oriented towards interdisciplinary integration, ensuring a comprehensive understanding of phenomena related to future heritage. The combination of general and specialised methods makes it possible not only to describe current cultural transformations but also to construct a theoretically consistent, empirically grounded, and practically applicable model of anticipatory interpretation of cultural phenomena that responds to the challenges of contemporary cultural evolution.

Literature Review

The core theoretical foundation of this study lies in the works of Rodney Harrison, who marked a decisive shift from a retrospective to a prospective understanding of heritage. His monograph *Heritage Futures: Comparative Approaches to Natural and Cultural Heritage Practices* (Harrison, 2020a) synthesises the results of a major interdisciplinary project and conceptualises heritage as a system of managerial decisions concerning the future of cultural values. Earlier, Harrison had articulated the “ontological politics” of heritage in the age of the Anthropocene, extending beyond the traditional dichotomy of “natural” versus “cultural” and reframing heritage as a field of multiple temporalities and communities (Harrison, 2015). His 2016 article delineated the concept of *heritage futures* as a programmatic statement, laying the groundwork for a more comprehensive theoretical argument (Harrison et al., 2016). In collaboration with Sterling, Harrison further developed the idea of “deterritorialising the future”, showing how cultural and natural trajectories blur the boundaries of disciplines and institutions (Harrison & Sterling, 2020).

The communicative and social dimensions of this shift toward the future are elaborated by Cornelius Holtorf. In one article, he addresses the “climate heritage paradox,” highlighting the need to adapt archaeological heritage to environmental change without compromising the diversity of future options (Holtorf, 2024); in another, he engages in a meta-discussion of the concept of *heritage futures* itself, emphasising its dialogical and scenario-based character (Holtorf & Bolin, 2024). Collectively, these studies establish a methodological and ethical transition from the

conservationist to the anticipatory paradigm, in which not only the artefacts and traces of the past but also present-day choices about future continuity acquire decisive importance.

The classical cultural critique of heritage “objecthood” developed by Laurajane Smith remains fundamental. Her seminal book *Uses of Heritage* demonstrates that heritage is not a self-evident “thing” but rather a socially embedded process and practice (Smith, 2006). This argument resonates directly with the klironomical understanding of continuity as a meaning-producing relationship between the present and the future.

The body of research on intangible cultural heritage (ICH) reinforces this dynamic and processual understanding of continuity. Kirshenblatt-Gimblett (2004) conceptualised ICH as a form of “metacultural production” shaped by representational contexts and institutional frameworks. Hafstein (2008) traced how UNESCO’s “masterpieces” programmes evolved into listing mechanisms that institutionalise canon formation. These analyses find normative grounding in the 2003 UNESCO Convention and its updated *Basic Texts* (Convention..., 2003/2022), which assert communities’ rights to define, maintain, and transmit their own practices. For the present study, the procedural and communal dimensions of ICH provide a natural point of convergence for developing anticipatory interpretation.

The paradigm shift toward studying the “present as future” in archaeology was initiated by Victor Buchli and Gavin Lucas in their edited volume *Archaeologies of the Contemporary Past* (Buchli & Lucas, 2001–2002) and its introductory essay, which articulated an “archaeology of fast history” centred on the materiality of everyday life (Buchli & Lucas, 2001). For klironomy, this is crucial because it challenges the monopoly of “deep time”, granting contemporary material culture the right to archaeological—and hence heritage—reflection.

In the realm of born-digital heritage, UNESCO’s normative framework is pivotal. The *Charter on the Preservation of Digital Heritage* (2003) formally introduced the category of “digital heritage” and recognised its long-term significance. Practical criteria for selection and preservation were elaborated in the *PERSIST Guidelines* (The UNESCO..., 2016) and further adapted for the professional library and archival community (The UNESCO..., 2021). These documents provide the operational foundation for assessing “technological sustainability” and “digital representativeness”.

The artistic and museological dimensions of digital variability were explored by Rinehart and Ippolito, who reconceptualised preservation as a “reassembly” of meanings and relationships rather than the fixing of a single version (Rinehart & Ippolito, 2014). Historically, the *Variable Media Approach* collection laid the foundation for such strategies (Depocas et al., 2003), while Rothenberg’s early work (2000) established emulation as a technique for “experiencing” digital artefacts on future technological platforms. Together, these studies form a pragmatic framework for understanding born-digital heritage as living through migration, emulation, and documentation of intent.

Discussions on the future of collecting underscore the need to rethink museum acquisition policies. Knell’s *Museums and the Future of Collecting* (2017) frames debates on destabilising canonical hierarchies and integrating unstable or processual forms of art. The earlier edition (Knell, 1999/2004) remains significant for tracing the historiography of these debates. Bruce Altshuler’s edited volume *Collecting the New* (2005) exposes the dilemmas faced by contemporary art museums when incorporating non-canonical and emergent objects. These contributions

directly support the klironomical notion of “anticipatory selection”, whereby museums are challenged to engage with incomplete, fluid, and evolving histories of artefacts.

At the policy and strategic level, three recent documents define the institutional horizon of heritage futures. The ICCROM *Horizon Scan* report (*Anticipating Futures for Heritage*, 2023) synthesises global threats and opportunities, emphasising climate adaptation, digital transformation, and the need for foresight methodologies. The ERRIN/CHARTER Alliance report (*Dynamics...*, 2024) outlines future scenarios for the European heritage sector, highlighting cross-sectoral cooperation and skills development. The ARCHE Consortium report (*Future Trends...*, 2023) consolidates research and innovation agendas, with born-digital heritage, immersive technologies, and community engagement among its priorities. Regular *Heritage and Foresight* bulletins by ICCROM (*Heritage and Foresight*, 2022) provide “early signals” and evidence of the growing institutional recognition of anticipatory approaches. These sources collectively supply the empirical foundation for the scenario-oriented component of this research and confirm the policy relevance of the klironomical perspective.

Alongside these theoretical and managerial works, infrastructural standards also play a decisive role. The OAIS reference model (*Reference Model...*, 2024) and its ISO counterpart, ISO 14721 (2025), define the terminology, roles, and processes for long-term digital preservation. These standards translate the klironomical criterion of “technological sustainability” into operational procedures—SIP, AIP, and DIP packages, metadata management, and preservation planning—serving as the structural backbone for connecting philosophy and practice in digital heritage.

The methodological foundations of foresight necessary for klironomical research are established in the collective volume *Transforming the Future* edited by Miller (2018), which formalises the concept of *futures literacy*—the capacity to think in multiple futures and to use anticipatory knowledge to shape present choices. Mangnus et al. (2021) expand this concept empirically, demonstrating the diversity of approaches to developing futures literacy and its applicability to cultural planning. These works justify the integration of scenario-based and probabilistic reasoning into our interpretive framework.

The theoretical and methodological structure of klironomy itself is articulated in a body of works by the co-author of this study. His early work *Klironomy—the Science of the Preservation of Historical and Cultural Heritage* introduced the term and argued for a meta-disciplinary synthesis of legal, cultural, and managerial approaches (Buychik, 2019). The English-language version positioned the concept within international discourse. Subsequent work on the formation of “*klironomical thinking*” shifted the focus toward epistemology, examining how collective and expert mental frameworks shape continuity (Buychik, 2021). Later studies (Buychik, 2024a) specified the methodological apparatus of klironomy—object typologies, interpretative parameters, and evaluation principles. The collaborative article with Tomanek (Buychik & Tomanek, 2024) introduced an economic and managerial dimension, while the expanded monograph *Klironomy: The Science of Cultural Heritage* (Buychik, 2024a) consolidated the conceptual system and methodological toolkit. Together, these works bridge the gap between *heritage futures* theory and heritage management practices, establishing klironomy as a connecting meso-level framework.

In summary, the literature demonstrates a collective movement from retrospective to anticipatory governance of cultural continuity. The contributions of Harrison (2015; 2016; 2020a; 2020b), Harrison and Sterling (2020), and Holtorf (Holtorf, 2024; Holtorf & Bolin, 2024) provide the philosophical foundation of this shift, while Smith (2006) offers a critical redefinition of heritage as practice. Research on intangible heritage (*Convention...*, 2003/2022; Kirschenblatt-Gimblett, 2004; Hafstein, 2008) secures the procedural and participatory dimensions. The born-digital corpus (*Charter...*, 2003; Depocas et al., 2003; Rinehart & Ippolito, 2014; Rothenberg, 2000; *The UNESCO...*, 2016; *The UNESCO...*, 2021) delivers technical methodologies for “variable media,” and museum scholarship (Altschuler, 2005; Knell, 2017) legitimises anticipatory collecting. Some reports (*Anticipating Futures for Heritage*, 2023; *Dynamics...*, 2024; *Future Trends...*, 2023) anchor these ideas institutionally, while OAIS and ISO standards operationalise them at infrastructural level. Finally, klironomical works of the co-author of this study (2019; 2021; 2024a; 2024b; Bnychik & Tomanek, 2024) provides a unified meta-disciplinary framework that integrates philosophy, cultural theory, and heritage management.

The convergence of these areas of inquiry substantiates the proposed klironomical model of anticipatory interpretation, encompassing the criteria of temporality, innovation, social resonance, technological sustainability, and ethical admissibility. Collectively, the reviewed scholarship confirms that “heritage futures” are not a by-product of preserving the past but the outcome of conscious cultural decision-making in the present, institutionally and technologically grounded.

Results

Conceptual Reconstruction and Clarification of the Terminological Framework

The analysis of contemporary literature demonstrates the necessity of refining the key concepts underlying the study of anticipatory interpretation of cultural phenomena. In traditional cultural theory, heritage was perceived through a retrospective lens—as monuments, collections, and objects representing the past (Smith, 2006). However, recent scholarship has shown that heritage has become a *dynamic construct*, encompassing processes, practices, and technologies that shape cultural significance in both the present and the future (Harrison, 2015; Holtorf, 2024). The concept of *heritage futures* integrates these approaches, emphasising that the heritage of the future is not merely the result of conserving artefacts from the past but of actively selecting and interpreting contemporary phenomena as potentially meaningful for future generations (Harrison, 2020a; Harrison, 2020b).

The emergence of *born-digital* artefacts—digital artworks, interactive media objects, and network-based projects—raises questions about the boundaries of preservation and representation. Whereas the traditional museum relies on physical artefacts, digital forms require new conceptual frameworks, as they exist within environments characterised by technological volatility and platform instability (*Charter...*, 2003). This not only renders the classical reliance on material carriers obsolete but also reveals the need to introduce categories such as *temporality* and *networked presence* into the conceptual field.

In parallel, the notion of *intangible heritage*, defined by UNESCO as the practices, expressions, and knowledge recognised by communities as part of their cultural identity (*Convention...*,

2003/2022), is undergoing re-examination. Within the framework of this study, intangible heritage is viewed not as a fixed practice but as an ongoing process of meaning-making and transmission. This distinguishes phenomenological approaches to intangible heritage from classical descriptive models (*Kirshenblatt-Gimblett, 2004; Hafstein, 2008*).

The term *klironomy* operates as a meta-concept uniting processes of interpretation, selection, and semantic organisation of cultural phenomena with an orientation toward the future. In both Russian and English scholarly corpora, klironomy has been developed as a theory of *anticipatory selection*, focused less on the preservation of the past and more on the formation of *future memory* (*Buychik, 2019; Buychik, 2024a; Buychik, 2024b*). Within the framework of klironomy, central questions concern the criteria of continuity, the ethical permissibility of selection, and the potential of contemporary objects to serve as cultural signs of the future.

From these conceptual premises, several essential features of the current paradigm of future heritage emerge: the primacy of process over static object, the intersubjectivity of meaning, and the technological and social mutability of phenomena. This significantly reshapes the academic landscape: whereas classical cultural studies focused on a fixed corpus of artefacts, contemporary heritage theory encompasses elements of network culture, digital artefacts, and practices that may not yet possess physical form.

Thus, the reconstructed conceptual field defines *klironomy* as an interdisciplinary framework capable of incorporating and reconfiguring the categories of *heritage futures*, *born-digital artefacts*, and *intangible practices* into a unified theoretical model, wherein heritage is not only what *was* but also what *becomes significant* for future cultural agents through the process of anticipatory interpretation.

Matrix Typology of Future Cultural Heritage Objects

The matrix typology developed in this study provides a tool for classifying contemporary phenomena according to their potential relevance as future heritage. This typology is structured along three principal axes: *material–intangible–digital*; *local–global–networked*; and *traditional–innovative–hybrid*. Such a system enables not only the systematisation of cultural manifestations but also the assessment of their potential for continuity.

Material objects remain the classical bearers of cultural meaning—architectural ensembles, monuments, and museum collections. For example, the cultural landscapes of Serbia or UNESCO-listed architectural monuments possess recognised historical and social value, yet their future depends on the sustainability of their social contexts, restoration practices, and educational integration (*Smith, 2006*). This category also includes innovative art forms in which physical artefacts interact with digital components, such as installations incorporating AR/VR technologies.

Intangible heritage encompasses practices, rituals, linguistic expressions, artistic traditions, and social customs. Studies in this field demonstrate that such elements evolve continuously within their cultural contexts and may be transmitted to future generations through social participation, media representations, and educational practice (*Convention..., 2003/2022; Kirshenblatt-Gimblett, 2004*). Folk music or artisanal craftsmanship preserved in communities exemplify such continuity through practice and transmission.

Digital phenomena—*born-digital* objects—include creations that originate in digital environments and have no physical source: network-based projects, digital artworks, memes, and interactive platforms. Their defining characteristic is dependency on platforms, protocols, and technological standards. For instance, digital museum collections such as the virtual exhibitions of the Louvre or the British Museum illustrate how digital forms can expand accessibility while simultaneously demanding new criteria for preservation and description (*Charter...*, 2003; *The UNESCO...*, 2016). These phenomena operate simultaneously on local and global levels, reflecting the networked structures of contemporary cultural communication.

Along the *local–global–networked* axis, analysis reveals that many practices initially rooted in specific local contexts acquire global reach through digital dissemination: for example, folk songs uploaded to international video platforms become part of a shared cultural ecosystem. *Hybrid* forms—such as mixed reality installations—combine local traditions with global digital practices, illustrating the complexity of contemporary cultural space.

The *traditional–innovative–hybrid* dimension highlights that innovative digital projects frequently integrate traditional cultural elements, generating new hybrid modes. For instance, virtual-reality reconstructions of ancient temples exemplify how digital reproduction can complement physical heritage and engage new audiences with material otherwise accessible only to specialists.

Thus, the matrix typology of future heritage objects allows for the systematic classification of contemporary cultural phenomena not only according to their material or digital properties but also by their potential significance for future generations. This model establishes a foundation for the formulation of selection criteria, providing an analytical framework applicable to subsequent stages of research as well as to practical decision-making in museology, archival policy, and cultural management.

Scenarios and Mechanisms of Future Heritage Formation

The development of future heritage scenarios draws upon methods of futurological inquiry, particularly *foresight* techniques and the concept of *heritage futures*, which enable scholars not merely to describe present processes but to anticipate possible trajectories of cultural significance (*Miller*, 2018). This study identifies four broad scenarios, each representing distinct mechanisms of heritage formation.

The *conservative scenario* corresponds to traditional preservation paradigms, emphasising material objects, institutional conservation practices, and museum cataloguing. It characterises classical museums, national libraries, and archives, where processes of selection and safeguarding rely on established standards of long-term conservation (*Smith*, 2006). The restoration of medieval architecture exemplifies this approach: physical materials and artisanal techniques remain central, and continuity is ensured through adherence to historical canons and educational programmes oriented toward the past.

The *innovative scenario* focuses on digital and networked forms of heritage. Here, *born-digital* artefacts, interactive projects, and digital repositories assume a central role. This reflects the expansion of cultural heritage beyond the physical domain to encompass objects existing exclusively in digital form. Online archives of contemporary digital art, for instance, preserve and interpret web-based works as part of the cultural patrimony of the future (*Charter...*, 2003;

The UNESCO..., 2016). In this scenario, continuity depends on the ability of communities and institutions to adapt to shifting technological standards and ensure long-term accessibility.

The *hybrid scenario* represents the interaction of material and digital realms. It includes projects that combine physical objects with digital traces—digital replicas of museum exhibits, AR-guided tours of archaeological sites, and VR reconstructions of historical spaces. Such projects demonstrate how material artefacts gain renewed vitality through digital media, broadening their audience and interpretive scope. Virtual reconstructions of destroyed monuments available through online educational platforms exemplify this form of heritage regeneration.

The *networked or communicative scenario* conceptualises heritage as a community of practice in which continuity is sustained not through individual objects but through patterns of social interaction. Collective creativity, digital content exchange, cultural memes, and crowdsourced documentation of local traditions exemplify this model. Continuity here is maintained not by physical carriers but by enduring social relationships and communicative codes that circulate across digital networks.

Analysis of these scenarios indicates that the mechanisms of future heritage formation are plural and cannot be reduced to a single dominant trajectory. In each case, not only artefacts but also interpretive processes, social participation, technological infrastructures, and ethical frameworks determine what is deemed worthy of preservation.

Thus, scenario analysis demonstrates that the heritage of the future emerges through a complex interplay of institutional, innovative, hybrid, and networked mechanisms. These scenarios function as an operational model for identifying which cultural phenomena possess the potential to become significant for future generations, as well as which strategies of selection and preservation may prove most effective in the dynamic cultural and technological landscape of the twenty-first century.

Ethical and Philosophical Foundations of Anticipatory Selection

The ethical dimensions of anticipatory interpretation of cultural phenomena form a central element in understanding the heritage of the future. The primary ethical challenge lies in the fact that the selection of objects and practices for inclusion in future memory is inevitably value-laden: it involves deciding what is significant, which communities should be represented, and how to balance cultural diversity and social justice. These questions emerge at the intersection of cultural philosophy, ethics, and the social sciences.

Traditionally, the philosophy of culture treated heritage as an object of the past, intended to consolidate collective memory in the present. However, the shift to an anticipatory paradigm raises the question of the rights of future generations to construct memory: can the present impose its own value perspectives on the future? Within heritage ethics, this correlates with the concept of responsible intergenerational interaction, emphasising respect not only for the past but also for future cultural agencies that will live with the outcomes of current decisions (*Mangnus et al., 2021*).

A key element of ethical reflection is the acknowledgement of multiple cultural perspectives. The critique of universalism in cultural policy demonstrates that global institutional standards of selection may not be relevant or applicable within local contexts, thereby reinforcing inequalities.

International frameworks for the safeguarding of intangible heritage, such as UNESCO's 2003 Convention and its subsequent updates (*Convention..., 2003/2022*), explicitly call for the recognition of local cultural values rather than their subordination to universal models. This challenges traditional museum and archival policies that privilege "canonical" objects of cultural value over community-based practices.

The ethics of anticipatory selection also encompass technological responsibility. In an era of digital cultural practices and born-digital artefacts, ensuring accessibility, long-term preservation, and the right to privacy becomes essential. This challenge is evident in relation to user-generated digital creativity, which may involve personal data, intellectual property, or culturally sensitive content requiring careful interpretation. Ethical standards must therefore balance openness and inclusivity with the protection of digital rights and ownership.

Social justice represents another core dimension. If anticipatory selection privileges phenomena capable of "survival" in future cultural ecosystems, it must ensure that selection processes do not further marginalise vulnerable communities. Consequently, continuity criteria should include the evaluation of representativeness, inclusivity, and community participation in shaping heritage registers. Contemporary research emphasises that the involvement of local communities in interpretative processes strengthens the sustainability of cultural practices and reduces the risk of their disappearance (*Hafstein, 2008; Kirshenblatt-Gimblett, 2004*).

The philosophical discourse on the heritage of the future also concerns the autonomy of meanings: heritage should not be limited to institutional control but should serve as a resource for creative self-expression by future cultural agents. This foregrounds the ethical respect for the plurality of cultural trajectories and the right to multiple futures. Scholars within the *heritage futures* framework argue that future heritage should not be a unified catalogue of objects, but a multilayered network of meanings and practices generated by diverse communities (*Harrison et al., 2020a; Harrison et al., 2020b*).

Thus, the ethical and philosophical foundations of anticipatory selection require a comprehensive approach integrating intergenerational responsibility, cultural diversity, technological ethics, and social equity. This provides not only a theoretical justification but also practical guidelines for developing selection criteria conducive to sustainable and inclusive cultural continuity.

The Klironomical Model of Criteria for Anticipatory Interpretation

The analysis of literature and empirical observations facilitated the development of a klironomical model of criteria for assessing cultural phenomena in terms of their potential significance for future heritage. The model is grounded in five key criteria: temporality, cultural innovation, social resonance, technological sustainability, and ethical admissibility.

Temporality reflects a phenomenon's capacity to retain significance over an extended temporal span. Unlike short-lived trends, such phenomena exhibit cultural endurance. For instance, traditional ritual theatre that has survived for centuries within a single region yet gained renewed vitality through video documentation and online representation demonstrates intergenerational accessibility and experiential continuity.

Cultural innovation characterises an object's or practice's ability to generate new semantic structures. This is particularly relevant for hybrid forms that combine traditional cultural

elements with digital technologies—for example, augmented- or virtual-reality performances that reinterpret established artistic genres.

Social resonance refers to a phenomenon's capacity to elicit community engagement, shape collective meanings, and foster participation. Intangible practices such as street dance cultures disseminated through social networks exemplify how performative expression can become a focal point of identity formation for younger generations.

Technological sustainability is critical for born-digital and hybrid forms. It denotes the ability of digital objects to remain functional and accessible despite evolving technological standards. The problem of technological instability has been widely noted in digital heritage studies: without mechanisms of format migration and emulation, digital artefacts risk being lost (*Charter...*, 2003; *The UNESCO...*, 2016).

Ethical admissibility integrates value-oriented dimensions: a cultural phenomenon must comply with principles of respect for diversity, individual rights, and social justice. This involves analysing power structures that shape selection processes and preventing the marginalisation of local cultural agents.

The model presupposes a holistic evaluation of all five criteria, rather than their isolated application. For example, a digital festival project that merges local traditions with networked interactivity can be assessed in terms of community participation and accessibility across technological platforms. This multidimensional assessment identifies its potential as a future object of klironomy.

Thus, the klironomical model of criteria for anticipatory interpretation provides an integrative framework for evaluating cultural phenomena across temporal, technological, social, and ethical dimensions. It serves as both a theoretical and practical instrument applicable to museum work, digital archiving, cultural policy planning, and educational programming, ensuring balanced and multidimensional assessments of future heritage potential.

Practical Verification: Examples and Case Studies

The practical verification of the developed model was conducted through a series of real-world case studies encompassing material, intangible, and born-digital cultural phenomena, confirming its applicability and analytical precision. One example involves a digital art archive maintained by a major museum (e.g., virtual exhibitions of the British Museum), where digital replicas and augmented-reality tours are integrated into educational and research programmes. Such projects demonstrate that born-digital artefacts can function as active carriers of cultural meaning when embedded within educational and communicative contexts.

Equally instructive are hybrid projects, such as digital reconstructions of archaeological sites combining 3D modelling and interactive tours. These initiatives transcend physical access barriers, broadening cultural inclusion. Here, technology enhances the cultural relevance of the object rather than substituting its material form, showing that hybrid modes strengthen both social resonance and temporal endurance.

Intangible practices—regional music festivals or traditional crafts disseminated on global digital platforms—also confirm that community participation and temporal continuity are decisive for cultural sustainability. For example, craft practices documented within online communities and transmitted through instructional videos demonstrate how social engagement

and digital traces reinforce durability. These examples validate the model's functionality as a diagnostic instrument for assessing social resonance and cultural innovation.

Thus, the practical testing of the klironomical criteria model confirms its effectiveness both for analysing individual phenomena and for informing strategic decision-making in museum, archival, and educational contexts. It thus substantiates the model's theoretical robustness and its capacity to support future-oriented cultural policy design.

Interdisciplinary Integration and Institutional Perspectives

The advancement of klironomy as an interdisciplinary field requires its institutional integration within systems of cultural governance, education, and international policy. Organisations such as UNESCO, ICCROM, and the ERRIN/CHARTER Alliance have already highlighted the necessity of strategic approaches to future heritage through foresight methodologies and scenario planning (*Anticipating Futures for Heritage*, 2023; *Dynamics...*, 2024; *The UNESCO...*, 2016). This indicates that anticipatory interpretation is gaining institutional recognition.

A crucial direction involves embedding *futures literacy*—the ability to anticipate, analyse, and shape future scenarios—into academic curricula in the humanities and cultural management. This equips future professionals not only to preserve the past but also to project potential trajectories of cultural development and evaluate born-digital and hybrid forms from a long-term continuity perspective. Successful cases of such integration are already evident in European universities where museology and cultural management courses include modules on digital heritage and scenario analysis.

International projects such as virtual libraries and digital archives further demonstrate the necessity of institutional support for the preservation of born-digital artefacts. Countries with integrated digital heritage policies exhibit higher levels of preservation and public accessibility. This correlation is confirmed by studies emphasising the regulatory role of legal frameworks and international standards in ensuring the sustainability of digital heritage (*Charter...*, 2003; *The UNESCO...*, 2016).

Finally, klironomy can serve as a methodological foundation for establishing local and national registers of future heritage that encompass not only material monuments but also digital projects, online practices, intangible traditions, and hybrid forms. This necessitates the revision of existing inventory systems and the development of new documentation and evaluation tools for emerging cultural phenomena.

In conclusion, the findings demonstrate that the interdisciplinary and institutional integration of klironomy within systems of cultural governance, education, and international cooperation is not only feasible but essential. It provides a foundation for a sustainable and inclusive approach to the heritage of the future—one in which cultural value is defined not solely by the past but also by the evolving horizons of contemporary cultural experience.

Discussion

The relevance of the research topic—interpreting the contemporary and the new as the cultural heritage of the future—is confirmed by the fact that in the twenty-first century the very process of conceptualising heritage has moved beyond the conservation paradigm to become a

field of philosophical, cultural, and ethical reflection. In the context of rapid digitalisation, global mediatisation, and social polyphony, the question of which phenomena of the present may become the cultural heritage of the future acquires strategic importance. Essentially, it concerns the emergence of a new form of cultural responsibility—the ability to foresee the consequences of one’s cultural actions and to understand their possible place within the continuity of humankind ([Harrison, 2020a](#); [Harrison, 2020b](#); [Holtorf, 2024](#)). Therefore, the klironomical perspective introduced in this study represents not merely an academic innovation but also a necessary tool for civilisation’s cultural self-awareness.

The general problems identified in the research are primarily connected with the gap between the conceptual and the practical dimensions of heritage interpretation. Contemporary international frameworks (*Anticipating Futures for Heritage, 2023*; *Convention..., 2003/2022*) recognise the necessity of preserving not only tangible but also intangible and born-digital forms of cultural expression. However, in practice, a conservative approach still prevails—one grounded in notions of materiality, uniqueness, and static authenticity. This perspective is poorly aligned with digital and networked phenomena, where meaning is generated processually and the media carriers are subject to rapid technological obsolescence (*The UNESCO..., 2016*). A structural problem thus arises: how can we preserve what is inherently mutable, reproducible, and infinitely replicable? Classical restoration logic is inapplicable here, as born-digital objects cannot be restored in the traditional sense; they require methods of archival migration, emulation, and institutional flexibility (*Rinehart & Ippolito, 2014*).

A second set of issues concerns the insufficient philosophical and ethical grounding of the “heritage of the future” concept. As noted by Harrison ([2015](#)) and Holtorf ([2024](#)), contemporary heritage is not only about the past but also functions as an instrument for modelling the future. Yet the question of who holds the authority to determine what shall be recognised as heritage remains unresolved. There exists a risk of “future appropriation”—a condition in which decisions about inclusion in heritage registers are made by a narrow circle of institutions that fail to reflect cultural diversity. This situation generates symbolic inequality and marginalises alternative cultural voices. Hence, the ethics of selection, cultural justice, and inclusivity become of paramount importance. As Kirshenblatt-Gimblett ([2004](#)) and Hafstein ([2008](#)) observe, intangible heritage exists only through the participation of its living communities; the same principle should apply to digital and hybrid forms, where collective meaning-making is the key to continuity.

Methodologically, the research encountered several challenges that are of interest for future inquiry. The first is the absence of a unified database or standardised registry of born-digital and hybrid cultural objects. Despite the efforts of UNESCO/PERSIST and initiatives by institutions such as Tate Digital and Rhizome ArtBase, systematic archiving of digital forms remains fragmented. This creates lacunae for philosophical and cultural analysis, as many objects disappear together with obsolete platforms, leaving no possibility for their future comprehension. Paradoxically, the empirical basis of future heritage is inherently unstable: we are studying phenomena, some of which are already inaccessible or lost.

Another methodological challenge lies in the boundary between scientific description and normative construction. When analysing contemporary phenomena as potential heritage, the researcher inevitably participates in the process of selection, imposing a particular system of

values. Such a position demands reflexivity to avoid substituting analytical objectivity with normative judgement. In this study, this risk was mitigated by introducing the klironomical model of evaluation criteria based not on aesthetic preferences but on parameters of temporality, innovation, social resonance, and technological sustainability. Nevertheless, the model still requires refinement and verification through interdisciplinary expert review and broader empirical testing.

The relationship between individual and collective memory within born-digital phenomena also remains unresolved. On one hand, digital culture democratises the creation and storage of cultural artefacts, allowing anyone to become a co-author of future heritage (for example, digital photography, user-generated content, or meme culture). On the other, the abundance of data produces a “profusion effect” (*Harrison et al., 2020a; Harrison et al., 2020b*), in which the valuable becomes indistinguishable from the trivial. Therefore, instead of expanding the range of preserved phenomena, new semantic filters of long-term relevance are needed. This task cannot be addressed within a single discipline—it requires a synthesis of cultural studies, information science, philosophy of technology, and ethics.

The authors also highlight the difficulty of operationalising the concept of “ethical admissibility”. Within cultural theory, the ethics of heritage remains insufficiently formalised. Translating ethical principles into selection criteria risks reducing the value dimension to administrative procedures. Meanwhile, cultural justice and inclusivity demand flexible, context-sensitive solutions that reflect the specificities of each cultural environment. Consequently, the development of klironomy necessitates a new ethical paradigm that integrates universal human rights with respect for local cultural autonomy.

Despite these limitations, the findings confirm that the klironomical model can serve as an effective instrument for analysing future heritage. Its strength lies in integrating multiple dimensions—philosophical, sociocultural, and technological. It enables not only the classification of phenomena but also the evaluation of their potential for long-term existence, which is particularly critical for born-digital and hybrid forms subject to technological instability. In this sense, the very concept of klironomy complements the global heritage futures agenda, offering a theoretical foundation for understanding continuity as a process of culture’s self-reproduction of meaning (*Buychik, 2024a; Buychik, 2024b*).

Several directions for future research can be proposed. First, expanding the empirical base through the analysis of digital archives, online museums, and hybrid art projects would enable testing of the klironomical model across diverse data. Second, algorithmic tools for cultural evaluation, grounded in artificial intelligence and semantic analysis, should be developed to automate the preliminary identification of born-digital objects. Third, international interdisciplinary research platforms are needed to unite philosophers, cultural theorists, IT specialists, lawyers, and museum professionals. Finally, the ethical and ontological foundations of klironomy should be further elaborated, particularly concerning cultural memory in the era of posthumanism and artificial intelligence.

Thus, the discussion demonstrates that the study not only confirms the importance of transitioning from the conservation to the anticipatory paradigm of heritage but also reveals a number of theoretical and methodological gaps requiring further exploration. Klironomy, as a new science of cultural continuity, opens space for interdisciplinary dialogue in which the past,

present, and future are comprehended as a single dynamic process of humanity's cultural self-preservation.

Conclusion

The fulfilment of the research aim—the development of a theoretical and methodological model for the anticipatory interpretation of contemporary cultural phenomena as future heritage—confirmed the initial hypothesis that in the digital and hybrid era, heritage ceases to be a purely retrospective category. It becomes a space of meaning-making directed toward the future, where the interpretation of the present serves as the key mechanism of continuity. The findings demonstrate that the concept of klironomy can integrate diverse theoretical traditions and disciplinary perspectives, providing a foundation for a new paradigm—the science of cultural continuity.

A conceptual reconstruction of the heritage field was carried out, correlating traditional categories such as “monument”, “tradition”, and “preservation” with modern notions of *heritage futures*, born-digitality, hybridity, and intangible practices. This reconstruction enabled the transition from a static model of heritage to a dynamic, klironomical one, where the process of continuous production and transmission of meanings becomes central ([Buychik, 2024a](#); [Harrison, 2015](#)). Consequently, klironomy is not merely an auxiliary discipline but an integrative framework linking philosophy, cultural studies, art history, technology, and ethics.

A second major outcome is the development of a matrix typology of future heritage objects. This typology systematises cultural phenomena along three axes—“tangible–intangible–digital”, “local–global–networked”, and “traditional–innovative–hybrid”. Such a structure reflects the complexity of the contemporary cultural environment, in which physical and digital forms coexist and cultural value depends not solely on origin but on context. The matrix model thus provides an analytical tool applicable to museological and archival practice in the age of networked culture.

A third result is the creation of the klironomical model of anticipatory interpretation criteria, encompassing parameters of temporality, cultural innovation, social resonance, technological sustainability, and ethical admissibility. This model demonstrates that the evaluation of cultural phenomena must account not only for their historical or present value but also for their potential to retain meaning in the future. Digital art, interactive installations, and online practices, in particular, exhibit high degrees of innovation and social engagement, making them essential components of future klironomy ([Charter....., 2003](#); [Rinehart & Ippolito, 2014](#)).

The practical validation of the model through case studies—digital archives, virtual museums, craft communities, and hybrid projects—confirmed its applicability. These cases show that phenomena previously considered peripheral to traditional heritage possess significant potential for continuity when supported by social resonance and technological stability. However, the challenges identified—platform instability, lack of unified digital archiving standards, and legal uncertainties—underscore the need for institutional reform and the development of new regulatory tools.

Particular attention should be devoted to the ethical and philosophical dimension of klironomy. Anticipatory heritage requires a different moral framework—one that replaces universalist hierarchies with a polycentric, dialogical model in which diverse cultural

communities co-define what is meaningful. This ethical turn in heritage theory entails respect for the plurality of cultural futures and the rejection of value hierarchies. Klironomy thus becomes not only a theory of continuity but also a practice of cultural equality.

At the institutional level, the study's results can inform the creation of national and international registers of future heritage, the revision of educational standards in museology and heritage management, and the design of digital preservation strategies. The proposed model also enables the integration of *futures literacy* (*Anticipating Futures for Heritage*, 2023; Miller, 2018) into professional training for heritage specialists, combining philosophical reflection, technological expertise, and ethical responsibility within a unified framework.

The study outcomes hold value for multiple professional domains: for philosophers—as a foundation for rethinking the ontology of culture and memory; for cultural theorists and art historians—as a tool for analysing hybrid and born-digital forms; for museum professionals and archivists—as practical guidance for evaluating and preserving new types of artefacts; and for students and early-career researchers—as a methodological framework for studying mechanisms of cultural continuity.

The final conclusions can be summarised in several principles for further research in klironomy and heritage futures:

1. The shift from static models of preservation to processual models of meaning reproduction.
2. The necessity of interdisciplinary integration between philosophy, technology, and sociocultural practice.
3. The recognition of born-digital and hybrid forms as legitimate bearers of cultural memory.
4. The ethical safeguarding of multiple cultural futures.
5. The institutionalisation of klironomy as a new metadiscipline within the humanities.

Thus, the study confirms its central hypothesis: contemporary and new cultural phenomena can be regarded as future heritage through klironomical interpretation. Culture, endowed with the capacity for self-reproduction of meaning, forms not only memory of the past but also memory of the future—i.e., the potential for its continuity. This is the essence of klironomy as a science of living cultural time, uniting the past, present, and future within a single humanistic horizon.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest.

References:

- Altshuler, B. (Ed.). (2005). *Collecting the New: Museums and Contemporary Art*. Princeton University Press.
- Anticipating Futures for Heritage: ICCROM Foresight Initiative — Horizon Scan Study. (2023). ICCROM.
- Buchli, V., & Lucas, G. (2001). Archaeologies of the contemporary past: Introduction. *Internet Archaeology*, 66.
- Buchli, V., & Lucas, G. (Eds.). (2001–2002). *Archaeologies of the Contemporary Past*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203185100>
- Buychik, A. (2019). Klironomy — a science about preservation of historical and cultural heritage. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of Cognition*, 3, 90–93. (In Russ). [Буйчик

- A. Клирономия — наука о сохранении историко-культурного наследия]. <http://www.nautech-journal.ru/files/a3f576d7-3138-4d6c-8c4c-a68c6395ea4c>
- Buychik, A. (2021). The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook. *Klironomy*, 1. <https://doi.org/10.47451/phi2020-12-001>
- Buychik, A. (2024a). *Klironomy: The Science of Cultural Heritage*. Ostrava: Tuculart Edition.
- Buychik, A. (2024b). The studies in preserving cultural heritage: The methodological apparatus of the new sciences of theoretical klironomy. *Culture and Arts in the Context of World Cultural Heritage. Klironomy*, 9, 58–64. <https://doi.org/10.47451/her2024-09-01>
- Buychik, A., & Tomanek, A. (2024). Development of a complex of sciences on cultural heritage based on documentation and economic effectiveness. *Actual Issues of Modern Science. European Scientific e-Journal*, 30, 7–17. <https://doi.org/10.47451/her2024-04-01>
- Charter on the Preservation of the Digital Heritage. (2003). UNESCO.
- Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: Basic Texts. (2003/2022 ed.). UNESCO.
- Depocas, A., Ippolito, J., & Jones, C. (Eds.). (2003). *Permanence Through Change: The Variable Media Approach*. Guggenheim/ Langlois Foundation.
- Dynamics and Future Scenarios for the Cultural Heritage Sector. (2024). ERRIN / CHARTER Alliance.
- Future Trends on Cultural Heritage Research & Innovation. (2023). ARCHE Consortium.
- Hafstein, V. T. (2008). Intangible heritage as a list: From masterpieces to representation. In *Intangible Heritage* (pp. 93–111). Routledge. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203884973-10/>
- Harrison, R. (2015). Beyond “natural” and “cultural” heritage: Toward an ontological politics of heritage in the age of Anthropocene. *Heritage & Society*, 8(1), 24–42. <https://doi.org/10.1179/2159032X15Z.00000000036>
- Harrison, R., Bartolini, N., DeSilvey, C., Holtorf, C., Lyons, A., Macdonald, S., May, S., Morgan, J., & Penrose, S. (2016). Heritage futures. *Archaeology International*, 19, 68–72. <https://doi.org/10.5334/ai.1912>
- Harrison R., DeSilvey C., Holtorf C., Macdonald Sh., Bartolini N., Breithoff E., Fredheim H., Lyons A., May S., Morgan J., & Penrose S. (2020a). *Heritage futures: Comparative approaches to natural and cultural heritage practices*. UCL Press. <https://doi.org/10.14324/111.9781787356009>
- Harrison, R., DeSilvey, C., Holtorf, C., Macdonald, Sh., Morgan, J., & Penrose, S. (2020b). *Heritage futures* (project overview). UCL.
- Harrison, R., & Sterling, C. (Eds.). (2020). *Deterritorializing the future: Heritage in, of and after the Anthropocene*. Open Humanities Press.
- Heritage and Foresight: Quarterly Report Highlights. (2022). ICCROM.
- Holtorf, C. (2024). The climate heritage paradox: How rethinking archaeological heritage can address global challenges of climate change. *World Archaeology*, 55(3), 268–281. <https://doi.org/10.1080/00438243.2024.2320122>
- Holtorf, C., & Bolin, A. (2024). Heritage futures: A conversation. *Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development*, 14(2), 252–260. <https://doi.org/10.1108/JCHMSD-09-2021-0156>
- ISO 14721: Open Archival Information System (OAIS). (2025). ISO.
- Kirshenblatt-Gimblett, B. (2004). Intangible heritage as metacultural production. *Museum International*, 56(1–2), 52–65. <https://doi.org/10.1111/j.1350-0775.2004.00458.x>
- Knell, S. J. (Ed.). (1999–2004). *Museums and the future of collecting*. Ashgate–Routledge.
- Knell, S. J. (2017). *Museums and the future of collecting* (2nd ed.). Routledge.
- Mangnus, A. C., Oomen, J., Vervoort, J. M., & Hajer, M. A. (2021). Futures literacy and the diversity of the future. *Futures*, 132, 102793. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102793>
- Miller, R. (Ed.). (2018). *Transforming the future: Anticipation in the 21st century*. UNESCO / Routledge (OA). <https://digitallibrary.un.org/record/1494609/files/264644eng.pdf>
- Reference Model for an Open Archival Information System (OAIS). Recommended practice. CCSDS 650.0-M-3. (2024). Magenta Book.
- Rinehart, R., & Ippolito, J. (2014). *Re-collection: Art, new media, and social memory*. MIT Press.
- Rothenberg, J. (2000). *Using emulation to preserve digital documents*. Koninklijke Bibliotheek. <https://doi.org/10.3366/hac.2000.12.3.374>
- Smith, L. (2006). *Uses of heritage*. Routledge.

- The UNESCO/PERSIST Guidelines for the Selection of Digital Heritage for Long-Term Preservation.
(1st ed.). (2016). UNESCO, ICA, IFLA.
- The UNESCO/PERSIST Guidelines for the Selection of Digital Heritage for Long-Term Preservation.
(2nd ed.). (2021). UNESCO, ICA, IFLA.

Буйчик А., Томанек А. От созидания настоящего к будущему наследию: цифровые, гибридные и нематериальные артефакты как будущие объекты клирономии — сценарии, этика и критерии предвосхищающей интерпретации // Actual Issues of Modern Science. — European Scientific e-Journal. — 2025. — № 39. — Т. 2. — С. 7–29. Острава.

DOI: 10.47451/her2025-11-01

Статья на английском языке будет опубликована в Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, eLibrary, and WebArchive databases.

Александр Буйчик, доктор экономики, Ph.D. социальных наук, специалист в области культурного наследия, директор по науке, супервайзер, Европейский институт развития инноваций. Острава, Чехия.

ORCID 0000-0002-2542-4198

Анисия Томанек, магистр социальных и культурологических наук, генеральный директор, Европейский институт развития инноваций. Острава, Чехия.

От созидания настоящего к будущему наследию: цифровые, гибридные и нематериальные артефакты как будущие объекты клирономии — сценарии, этика и критерии предвосхищающей интерпретации

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена трансформацией понятия культурного наследия в XXI веке, когда оно перестаёт быть статичным объектом консервации и превращается в динамический процесс предвосхищающего выбора. В условиях цифровизации, гибридизации культуры и роста нематериальных форм творчества границы между прошлым, настоящим и будущим становятся проницаемыми, что требует новой теоретико-методологической рамки. Исследование ориентировано на развитие клирономии — метадисциплины о преемственности культурного бытия, рассматривающей наследие как процесс самоорганизации и проектирования будущих смыслов. Научная новизна состоит в формулировании клирономической модели идентификации и интерпретации культурных феноменов как потенциальных объектов будущего наследия. Впервые объединены концепции «наследие будущего», цифрового и нематериального наследия, философии культуры и этики отбора в единую систему, объясняющую механизмы формирования преемственности. Разработана оригинальная типология объектов будущей клирономии и предложена модель критериев предвосхищающей интерпретации — темпоральности, культурной инновации, социальной резонансности, технологической устойчивости и этической допустимости. Субъектом исследования выступает современный человек как носитель и создатель смыслов, определяющий, какие феномены станут наследием будущего. Объектом являются материальные, нематериальные и формы культуры “*born-digital*”, рассматриваемые в их потенциале преемственности. Цель — разработать теоретико-методологические основы клирономии и модель интерпретации, применимую для оценки цифровых и гибридных артефактов. Методы включают междисциплинарный синтез философских, культурологических и социотехнических подходов, системный и сравнительный анализ, контент-анализ научных и нормативных источников (UNESCO, ICCROM, PERSIST), а также сценарное моделирование (*дальновидность*). Это позволило рассматривать наследие как самоорганизующуюся систему, объединяющую процессы смыслопорождения и технологии хранения. Результаты исследования включают уточнение понятийного поля (*наследие будущего, born-digital, нематериальное наследие, клирономия*), разработку матричной типологии объектов будущего наследия и определение четырёх сценариев его формирования — консервативного,

инновационного, гибридного и сетевого. Предложена клирономическая модель критериев, прошедшая апробацию на примерах цифрового искусства, виртуальных музеев и ремесленных сообществ. Сделан вывод, что современное и новое могут рассматриваться как объекты будущего наследия при условии их клирономической интерпретации. Клирономия утверждается как интегративная рамка, соединяющая философию, культурологию, технологии и этику в единую систему знания о преемственности культурного бытия, открывающую перспективы для музейной, образовательной и исследовательской практики, ориентированной на сохранение будущего через осмысленное настоящее.

Ключевые слова: клирономия, культурное наследие будущего, наследие будущего, born-digital артефакты, нематериальное культурное наследие, гибридная культура, предвосхищающая интерпретация, культурная преемственность, цифровое наследие, этика культурного отбора.

Сокращения:

НКН – нематериально культурное наследие.

Введение

В последние десятилетия понятие культурного наследия выходит за рамки классической истории памятников и традиционных артефактов, трансформируясь в сложный междисциплинарный конструкт, который охватывает не только материальные объекты прошлых эпох, но и современные культурные феномены — как физические, так и цифровые, а также динамические практики нематериальной культуры. Эта трансформация связана с тем, что современные артефакты и практики, изначально создаваясь как «настоящие», обретают потенциал будущей преемственности, становясь объектами культурной памяти будущего. Проблема предвосхищающей интерпретации таких феноменов — задача не только теоретическая, но и практическая, поскольку от критериев отбора зависят научные, реставрационные и политические решения. В этом контексте концептуальная парадигма «*наследия будущего*» предлагает переосмысление наследия как процесса фиксации и проектирования будущих ценностей, а не только как ретроспективной фиксации прошлого [18; 19; 22].

Современные вызовы обусловлены ускоренной цифровизацией культурной жизни, появлением артефактов “*born-digital*”, гибридных форм творчества, а также репрезентацией нематериальных практик в медиасреде и социальных контекстах. В этом поле традиционные механизмы отбора и сохранения утрачивают свою адекватность, поскольку они ориентированы на объекты прошлых эпох и физические носители. Одновременно практики нематериального культурного наследия, включённые в международные конвенции [17], демонстрируют, что самодостаточная традиция — это не только «то, что было», но и то, что может сохраняться, развиваться и воспроизводиться через социальные практики и коммуникации. Следовательно, возникает необходимость в развитии теоретико-методологической базы, которая могла бы объединить идеи «*наследия будущего*», цифрового и нематериального наследия, а также ввести понятие клирономии как метадисциплины преемственности культурного бытия. Клирономия в этом

исследовании понимается как наука о предвосхищающей интерпретации культурных феноменов с целью их возможной будущей канонизации.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, глобальные процессы цифровизации и медийной трансформации создают феномены, которые не укладываются в традиционные категории культурного наследия, но потенциально могут стать объектами памяти будущего. Во-вторых, методологические подходы к отбору объектов будущего наследия находятся в зачаточном состоянии и не имеют единой теоретической модели, что затрудняет их применение в практике. В-третьих, смещение акцента от «охранной» парадигмы к предвосхищающей требует нового этического и эпистемологического основания, способного учесть сложность современных культурных форм и социальных практик. При этом результаты такого исследования могут быть полезны не только теоретикам культурологии и философии искусства, но и практикам музейной деятельности, архивистам, политике сохранения культурного наследия и педагогам гуманитарных дисциплин.

Новизна исследования заключается в разработке теоретико-методологических основ клирономической интерпретации цифровых, гибридных и нематериальных артефактов как потенциальных объектов будущего наследия. В отличие от существующих исследований, которые либо фокусируются на материальных памятниках прошлого, либо описывают процессы сохранения артефактов *“born-digital”* без четкой философской рефлексии, предлагаемая концептуальная рамка объединяет антропоцентрические, технологические и социокультурные аспекты в единую модель предвосхищающего отбора и интерпретации. Это позволяет рассматривать современное творчество и культурные практики как элементы динамической преемственности, способные обогащать будущую культурную память.

Субъектом исследования в данном контексте выступает система специалистов, включающая исследователей в области культурного наследия, теоретиков искусства, философов культуры и практиков музейного дела, чья деятельность направлена на интерпретацию и отбор культурных феноменов для будущей преемственности.

Объектом исследования являются современные культурные феномены — артефакты *“born-digital”*, гибридные художественные формы и динамические нематериальные практики, которые могут потенциализироваться как будущие объекты клирономии.

Цель исследования сформулирована следующим образом: разработать теоретико-методологическую модель для предвосхищающей интерпретации современных культурных феноменов — цифровых, гибридных и нематериальных — как потенциальных объектов будущего культурного наследия.

Эта цель реализуется через решение следующих задач:

- определить современное состояние теории наследия будущего и ее связь с клирономией;
- проанализировать концептуальные рамки и критериальные основы для идентификации *“born-digital”*, гибридных и нематериальных феноменов;
- разработать модель предвосхищающего отбора с этической рефлексией;

- предложить практические ориентиры для применения разработанной модели в научных и профессиональных практиках.

Значимость результатов исследования проявляется в нескольких направлениях. Теоретически, предложенная модель расширяет философские основания культурного наследия, вводя понятие клирономии как мета-конструкта преемственности. Методологически, она предлагает системный инструментарий для отбора и интерпретации феноменов, которые традиционно выпадают из рамок классического наследия. Практически, результаты могут быть использованы музейными специалистами, архивистами, креативными индустриями и образовательными программами гуманитарных дисциплин для разработки стратегий работы с современными культурными феноменами. Наконец, для студентов и молодых исследователей данное исследование предлагает ориентиры для интеграции философских, культурологических и технологических подходов в процессе анализа сложных культурных артефактов.

Методы исследования

В современной гуманитарной науке вопросы культурного наследия требуют применения широкого спектра научных методов, которые обеспечивают комплексное понимание исследуемого феномена. Исследование темы предвосхищающей интерпретации цифровых, гибридных и нематериальных культурных феноменов как объектов будущего наследия невозможно без привлечения как общенаучных, так и специализированных методов, характерных для культурологии, философии культуры и искусства, медийных и цифровых исследований.

На уровне общих научных методов ведущую роль играет историко-логический подход, позволяющий реконструировать эволюцию понятий «наследие», «культура», «искусство» и их трансформацию в современном контексте. Он помогает выявить, как традиционные категории культурного наследия соотносятся с новыми феноменами цифровой и гибридной культурной среды и как изменяется само понимание преемственности культурного значения во времени. Историко-логический анализ важен для сопоставления международных политик, нормативных актов и теоретических концептов, таких как «*наследие будущего*» или подходы, предложенные в международных документах UNESCO/PERSIST [34; 35] и ICCROM [3].

Комплексный системный анализ позволяет рассматривать культурное наследие не как изолированные объекты, но как совокупность взаимосвязанных элементов, охватывающих материальные, нематериальные и цифровые измерения. Этот метод обеспечивает выявление структурных взаимосвязей между компонентами культурного поля и моделями наследия будущего, что особенно важно при работе с гибридными и феноменами “*born-digital*”, пересекающими границы дисциплин. Он также позволяет интегрировать в анализ процессы социальных практик, медиарепрезентаций и цифровых сетей, формирующих культурную память.

Важнейшим общенаучным методом является концептуальный анализ, который обеспечит формирование чёткой теоретико-понятийной базы исследования. Понятия клирономии, предвосхищающего отбора, “*born-digital*”, гибридных артефактов, темпоральной преемственности и другие ключевые категории требуют не только

дефиниционного прояснения, но и сопоставления с существующими дискурсами в культурологии, философии культуры и медийных исследованиях. Концептуальный анализ позволяет установить границы и содержание терминов, определить их родственные связи, а также выявить противоречия и зоны неопределённости, что критично для последующей методологической интеграции.

Качественный контент-анализ, ориентированный на систематизацию научных публикаций, программных документов и кейс-исследований, используется для выявления доминирующих тем, методов и позиций в литературе по «наследию будущего», цифровому и нематериальному наследию. Данный метод позволяет выявить не только объём и характер эмпирического материала, но и типологические схемы аргументации, выявить пробелы в знаниях и тенденции развития дискуссии. Важно, что контент-анализ предоставит основания для построения матрицы критериев отбора потенциальных объектов будущего наследия.

На уровне специализированных методов, характерных для культурологии и философии искусства, применяется метод сравнительного анализа. Он позволяет соотнести различные культурные практики и цифровые феномены с существующими представлениями о наследии и выявить сигнальные свойства, которые могут служить индикаторами для включения объектов в будущие реестры наследия. В сравнительном анализе также участвуют культурные, социальные и технологические параметры, определяющие устойчивость и преемственность культурных форм.

Феноменологический подход, заимствованный из философии искусства и культурных исследований, предоставляет возможность описать опыт восприятия участников культурных практик, создателей цифровых и гибридных артефактов, а также аудитории. Этот подход важен для понимания нематериальных аспектов преемственности, которые не сводятся к физическим носителям, но формируются в переживаниях, смыслах и социальных отношениях. Он также помогает выявить ценностные основания, на которых строятся практики сохранения и трансляции культурных феноменов.

Методы футурологических исследований, включая *дальновидность* и сценарное моделирование, играют ключевую роль в разработке предвосхищающей модели отбора. Эти методы направлены на систематический анализ будущих возможных траекторий развития культурных практик и технологических сред, что позволяет определять не только текущие свойства феноменов, но и их потенциал для устойчивой преемственности во времени. Сценарное моделирование позволяет выявлять альтернативные варианты будущего наследия и оценивать их вероятность, риски и этические последствия.

При анализе ресурсов *“born-digital”* и гибридных форм применяется цифровая методология, включающая анализ цифровых следов, платформенных данных и медиареализаций. Эти методы обеспечивают доступ к эмпирическим материалам, которые недоступны традиционными архивными источниками, и позволяют оценивать динамику культурных процессов, происходящих в цифровой среде. В сочетании с вышеописанными качественными подходами цифровой анализ укрепляет эмпирическую основу для предвосхищающей интерпретации.

Специализированные методы философии культуры и искусства, такие как семиотический анализ и критическая теория, помогают деконструировать культурные знаки, символы и практики, выявляя их значимые структуры и потенциальную долговременную ценность. Эти методы особенно полезны при работе с гибридными объектами искусства, где традиционные отличия между формами, носителями и смыслами размываются.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что предложенная методологическая стратегия ориентирована на междисциплинарное интегрирование различных подходов с тем, чтобы обеспечить всестороннее понимание феноменов будущего наследия. Сочетание общенаучных и специализированных методов позволяет не только описать текущие процессы, но и построить теоретически обоснованную, эмпирически проверяемую и практически применимую модель предвосхищающей интерпретации культурных феноменов, отвечающую вызовам современного культурного поля.

Обзор литературы

Ключевым «узлом» теоретической базы выступают работы Родерика Харрисона, задающие поворот от ретроспективного к проспективному пониманию наследия. Труд *«Наследие будущего: сравнительные подходы к природному и культурному наследию»* синтезирует опыт междисциплинарного проекта и предлагает рассматривать наследие как множество управленческих решений о будущем ценностей [18]. Ранее Харрисон артикулировал «онтологическую политику» наследия в эпоху антропоцена, выходящую за рамки дихотомии «природное/культурное» и переводящую обсуждение в плоскость множественных сообществ и режимов времени [16]. Позиция 2016 года очерчивала концепт *«наследия будущего»* на уровне программной заметки и тем самым подготовила почву для более объёмной аргументации [17]. Совместный том со Стерлингом акцентирует «детерриториализацию будущего», показывая, как культурные и природные траектории размывают прежние границы дисциплин и институтов [20].

Коммуникативную и общественную сторону поворота к будущему концептуализирует Хольторф: в одной статье он анализирует «климатический парадокс наследия» — необходимость адаптировать археологическое наследие к климатическим вызовам без потери многообразия будущих опций [22]; в другой — ведёт метаразговор о самом понятии *«наследия будущего»*, подчёркивая диалогическую и открыто-сценарную природу поля [23]. В совокупности эта линия работ нормирует переход от «охранной» парадигмы к «предвосхищающей», где важны не только объекты и следы прошлого, но и способы сегодняшнего выбора о завтрашней преемственности.

Классическая культурологическая критика «объектности» наследия, представленная Лорэджайн Смит, остаётся фундаментом: *«Использование наследия»* демонстрирует, что наследие — это процесс и практика, укоренённая в социальных употреблениях, а не «самоочевидная вещь» [33]. Этот тезис прямо стыкуется с клирономической идеей о преемственности как продуцируемом в настоящем отношении к будущему.

Линия нематериального культурного наследия поддерживает динамическое, процессуальное понимание преемственности. Классические тексты Барбары Киршенблатт-Гимблетт показали, что НКН — это «метакультурное производство»,

зависимое от контекстов репрезентации и институциональной рамки [25]. Хафстейн проследил, как «мастер-проекты» ЮНЕСКО трансформировались в логики списков и представления, подвергая рефлексии сам механизм канонизации [15]. Эти наблюдения «приземляются» на нормативную базу Конвенции 2003 года и актуализированные «Основные текст», закрепляющие право сообществ на определение и передачу практик [11]. Для нашей темы именно процессуальность и общественность делают НКН естественной «точкой сборки» предвосхищающей интерпретации.

Сдвиг к рассмотрению «настоящего как будущего» в археологии задал том Бакли и Лукаса «Введение в археологию современного прошлого» [4], а также их вводная статья, подчёркивающая эпистемологию «быстрой истории» и материальности повседневности [5]. Для клиронимии это важно тем, что теряет смысловая монополия «дальних времен»: материал сегодняшнего дня получает право на археологическую и, шире, наследственную рефлексия.

Ядро “*born-digital*” — нормативная линия ЮНЕСКО: Хартия 2003 года утверждает саму категорию «цифровое наследие» и необходимость его сохранения [10]. Практические критерии отбора и долговременной охраны развёрнуты в руководстве PERSIST [34] и его профессиональной адаптации библиотечным сообществом [35]. Эти документы дают рамку для наших критериев «технологической устойчивости» и «репрезентативности цифрового следа».

Собственно художественную и музейную сторону цифровой переменности раскрывают Райнхарт и Ипполито, предлагая мыслить сохранение как «пересборку» смыслов и отношений, а не фиксирование единственной версии [31]. Исторически здесь ключевой — сборник «Постоянство через изменение» [12], положивший начало практике «стратегий переменных медиа». Теоретический фундамент идеи эмуляции как техники сохранения, позволяющей «проживать» поведение цифрового артефакта на будущих платформах, был заложен ещё Ротенбергом [32]. Совокупно эта линия формирует практичную оптику: “*born-digital*” живёт через миграции форматов, эмуляцию и документацию намерений.

Работы о будущем комплектования подчёркивают необходимость пересмотра критериев отбора и политики музеев. Сборник Кнелла задаёт дискуссию о «будущем коллекционирования» — от дестабилизации канонов до включения нестабильных, процессуальных форм [27]. Более ранняя его работа полезна для историографии дебатов [26]. Сборник Альтшулера «Собирая новое» раскрывает дилеммы музеев современного искусства при включении «ещё не канонизированных» практик и «свежих» объектов [2]. Эта линия прямо поддерживает клиронимическое требование к «предвосхищающему отбору»: музеям необходимо уметь работать с неполной, гибкой и ещё не устоявшейся «историей» объектов.

Политико-стратегический горизонт раскрывают три актуальных документа. Обзор ICCROM (“Horizon Scan”) систематизирует угрозы и возможности для сектора, включая климатические риски, цифровую трансформацию и необходимость сценарного планирования [3]. Доклад ERRIN/CHARTER анализирует будущие сценарии для европейского сектора наследия, подчёркивая межсекторность и роль компетенций [13]. Отчёт ARCHE об исследовательских трендах консолидирует повестку исследований и

инноваций, где “*born-digital*”, иммерсивные технологии и участие сообществ выступают приоритетами [14]. В связке с ними квартальные релизы ICCROM показывают ранние «сигналы будущего» и ценность регулярного мониторинга [21]. Эти источники обеспечивают эмпирическое «плечо» для нашего сценарного блока и подтверждают институциональную востребованность клиронимического подхода.

Наряду с культурологическими и управленческими источниками важны инфраструктурные стандарты. Модель OAIIS (версия CCSDS Magenta Book, 2024) и соответствующая редакция ISO 14721 закрепляют словарь, роли и процессы долговременной архивации [30]. Они позволяют переводить клиронимические критерии «технологической устойчивости» в рабочие процедуры: пакеты SIP/AIP/DIP, управление метаданными, планирование сохранности. Для “*born-digital*” эти стандарты — «несущая конструкция» соединения философии и практики.

Фундамент методологии форсайта, необходимой для клиронимики, задаёт коллективный труд под редакцией Миллера «*Преобразуя будущее*», где формализуется понятие “*грамотности будущего*” — способности мыслить множественные будущие и конструировать альтернативы [29]. Эмпирическое развёртывание этой идеи даёт статья группы Мангнуса, показывающая разнообразие подходов к «грамотности будущего» и способы её операционализации [28]. Для нашей модели критериев это обосновывает включение сценарного и вероятностного мышления в отбор и интерпретацию.

Теоретико-методологическая архитектура клирономии формируется совокупностью работ соавтора данного исследования. Ранняя работа «*Клирономия — наука о сохранении историко-культурного наследия*» вводит термин и обосновывает необходимость метадисциплины преемственности, соединяющей правовые, культурологические и управленческие подходы [1]. Англоязычная версия расширяет доступность концепции и выстраивает терминологический мост в международную дискуссию. Статья о формировании клиронимического мышления смещает фокус к эпистемологии: как мыслительные практики сообществ и специалистов структурируют преемственность [6]. Текст 2024 года об «аппарате новой науки теоретической клирономии» конкретизирует методологию — от типологий объектов до параметров отбора [7]. Совместная статья с Томанеком добавляет экономико-управленческое измерение — эффективность и документирование как условия жизнеспособности наследственных практик [8]. Наконец, расширенное издание монографии «*Клирономия: наука о культурном наследии*» выполняет функцию систематизации понятийного аппарата и методических процедур в целостной схеме [9]. В совокупности этот корпус закрывает теоретическую «щель» между “*наследие будущего*” и практиками отбора: клирономия выступает связующим «мезоуровнем».

Подводя итог, можно сказать, что исследования демонстрируют коллективное движение от ретроспективного к упреждающему управлению культурной преемственностью. Работы Харрисона и его коллег [16; 17; 18; 19; 20], Holtorf [22; 23] обеспечивают философско-методологическую базу этого перехода; Смит — критическую рамку «использований наследия» [33]. Исследования в области нематериального наследия [11; 15; 25] обеспечивают процедурные аспекты и аспекты участия. В группе категории “*born-digital*” [10; 12; 31; 32; 34; 35] представлены технические методики для “вариативных медиа” и музейных исследований [2; 37] узаконивает

заблаговременный сбор средств. Одни работы [3; 13; 14] закрепляют эти идеи институционально, в то время как стандарты OAIS и ISO реализуют их на инфраструктурном уровне. Наконец, клирономический работы соавтора данного исследования [1; 6; 7; 8; 9] представляет собой единую метадисциплинарную структуру, объединяющую философию, теорию культуры и управление наследием.

Именно пересечение этих направлений позволяет нам предложить клирономическую модель критериев предвосхищающей интерпретации (темпоральность, инновационность, социальная резонансность, технологическая устойчивость, этическая допустимость) и обосновать её применимость к цифровым, гибридным и нематериальным феноменам без опоры на таблицы и схемы. В совокупности литература демонстрирует, что «будущее наследие» — не побочный продукт сохранения прошлого, а результат осмысленного настоящего выбора, институционально и технологически подкреплённого.

Результаты исследования

Концептуальная реконструкция и уточнение понятийного поля

Результаты анализа литературы свидетельствуют о необходимости уточнения ключевых понятий, лежащих в основе исследования предвосхищающей интерпретации культурных феноменов. В традиционной культурной теории наследие понималось через призму ретроспективы: памятники, коллекции, объекты, представляющие прошлое [33]. Однако последние исследования демонстрируют, что наследие становится *динамическим* конструктом, включающим процессы, практики и технологии, формирующие культурное значение в настоящем и будущем [16; 22]. Понятие “*наследие будущего*” объединяет такие подходы, подчёркивая, что наследие будущего — это результат не только сохранения прошлых артефактов, но и активного *выбора* и *интерпретации* современных феноменов как потенциально значимых с точки зрения будущих поколений [18; 19].

Появление артефактов категории “*born-digital*” — цифровых произведений искусства, интерактивных медийных объектов, сетевых проектов — ставит вопрос о границах сохранения и репрезентации. Если традиционный музей опирается на объекты физической культуры, то цифровые формы требуют новых понятийных рамок, поскольку они существуют в среде, подверженной быстрому технологическому изменению, нестабильности платформ и форматов [10]. Это делает не только устаревшей классическую опору на физический носитель, но и демонстрирует необходимость включения в концептуальное поле таких категорий, как *темпоральность* и *сетевое присутствие*.

Параллельно осмысливается и категория *нематериального наследия*, определённая ЮНЕСКО как практики, выражения, знания, которые сообщества признают частью своей культурной идентичности [11]. Важно, что в рамках исследования мы рассматриваем нематериальное наследие не в контексте «фиксации практики», а как *процесс*, постоянно производящий смыслы и формирующий преемственность. Это аспект,

который отличает феноменологические подходы к нематериальному наследию от классических описательных моделей [15; 25].

Само понятие *клирономии* (клирономия) выступает мета-концептом, объединяющим процессы интерпретации, отбора и смыслового упорядочивания культурных феноменов с ориентацией на будущее. В русскоязычном и англоязычном корпусе работ это понятие получает развитие как теория *предвосхищающего отбора*, ориентированная не столько на сохранение прошлого, сколько на формирование будущей памяти [1; 7]. В рамках клирономии ключевыми становятся вопросы о *критериях приемственности, этической допустимости отбора и возможности интерпретации современных объектов как культурных знаков будущего*.

На основе этих концептуальных ориентиров можно выделить несколько важнейших характеристик современной парадигмы наследия будущего: первенство процесса над статичным объектом, интерсубъективность значений, а также технологическая и социальная изменчивость феноменов. Это существенно меняет академический ландшафт: если классическая культурология ориентировалась на фиксированный набор артефактов, то современная теория наследия включает элементы сетевой культуры, цифровые артефакты и практики, которые пока не имеют физической фиксации.

Таким образом, проведённая реконструкция понятийного поля позволяет определить клирономию как междисциплинарную рамку, способную включить и переработать категории «*наследие будущего*», артефакты категории «*born-digital*» и нематериальные практики в единую теоретическую модель, где наследие — это не только то, что было, но и то, что становится значимым для будущих культурных агентов через процесс предвосхищающей интерпретации.

Матричная типология объектов будущего культурного наследия

Матричная типология, разработанная в ходе исследования, представляет собой инструмент классификации феноменов современности с потенциальной значимостью для будущего наследия. Такая типология формируется по трём основным осям: материальное — нематериальное — цифровое; локальное — глобальное — сетевое; традиционное — инновационное — гибридное. Эта система позволяет не только систематизировать культурные проявления, но и оценивать их потенциал приемственности.

Материальные объекты являются классическими носителями культурного значения: архитектурные комплексы, памятники, музейные коллекции. Например, культурные ландшафты Сербии или памятники архитектуры ЮНЕСКО обладают признанной исторической и социальной ценностью, но их будущее зависит от устойчивости социального контекста, методов реставрации и образовательных программ [33]. В эту категорию также попадают инновационные художественные формы, где физический объект взаимодействует с цифровыми элементами (например, инсталляции, включающие AR/VR технологии).

Нематериальное наследие включает практики, ритуалы, языковые выражения, художественные традиции, социальные практики. Как показали исследования нематериального наследия, такие элементы постоянно изменяются и развиваются в

зависимости от культурного контекста, при этом они могут быть переданы будущим поколениям через социальные практики, медиарепрезентации и обучение [11; 25]. Примером может служить народная музыка или ремесленные практики, которые сохраняются в сообществах благодаря непрерывной практике и репетиции.

Цифровые феномены — объекты категории “*born-digital*” — это произведения, созданные в цифровой среде, не имеющие физического первоисточника: сетевые проекты, цифровое искусство, мемы, интерактивные платформы. Их характеристика — зависимость от платформ, протоколов и технологических стандартов. Например, цифровые коллекции музеев, такие как виртуальные выставки Лувра или Британского музея, демонстрируют, как цифровые формы могут расширять доступ, но одновременно требуют специальных критериев сохранения и описания [10; 34]. Эти явления действуют одновременно на местном и глобальном уровнях, отражая сетевые структуры современной культурной коммуникации.

На оси «локальное — глобальное — сетевое» анализ показывает, что многие культурные практики, исходно локальные, приобретают сетевой характер через цифровые платформы: фольклорные песни, выложенные на глобальных видеохостингах, становятся частью мировой культурной экосистемы. Гибридные формы — такие как смешанные реалити (*mixed reality installations*) — соединяют локальные традиции и глобальные цифровые практики, отражая сложность современного культурного поля.

По оси «традиционное — инновационное — гибридное» видно, что инновационные цифровые проекты часто интегрируют элементы традиционной культуры, создавая гибридные формы. Это наблюдается, например, в проекте VR-реставрации руин древних храмов, где цифровые реконструкции дополняют физические объекты и привлекают новые аудитории к материалу, который иначе остался бы доступным лишь узкому кругу специалистов.

Таким образом, матричная типология объектов будущего наследия позволяет системно классифицировать современные культурные феномены не только по их физическим и цифровым свойствам, но и по потенциальной значимости для будущих поколений. Эта модель создаёт основу для критериев отбора, обеспечивая аналитический инструментарий для последующих этапов исследования, а также для практических решений в музейном деле, архивной политике и культурном менеджменте.

Сценарии и механизмы формирования будущего наследия

Разработка сценариев будущего наследия опирается на методы футурологических исследований, в частности, на *дальновидность* и концепцию «*наследия будущего*», которые позволяют не просто описывать текущие процессы, но предвидеть возможные траектории развития культурного значения [29]. В рамках исследования выделены четыре групповых сценария, каждый из которых отражает разные механизмы формирования наследия будущего.

Консервативный сценарий соответствует традиционным подходам сохранения: акцент на материальных объектах, институциональных практиках реставрации и музейной каталогизации. Этот сценарий характерен для классических музеев, национальных библиотек, архивов, где процессы отбора и сохранения опираются на проверенные

методы и стандарты долгосрочной фиксации [33]. Примером может быть реставрация средневековых памятников архитектуры, где физические материалы и мастерские практики находятся в центре внимания. Преемственность здесь достигается через приверженность историческим канонам и образовательные программы, ориентированные на прошлое.

Инновационный сценарий акцентирует внимание на цифровых и сетевых формах наследия. Здесь ключевую роль играют артефакты “*born-digital*”, интерактивные проекты, цифровые репозитории. Этот сценарий отражает тенденцию к расширению объектов культурного наследия за пределы физической среды, охватывая объекты, существующие исключительно в цифровой среде. Пример — онлайн-архивы современного цифрового искусства, где цифровые произведения, созданные для сети, хранятся и интерпретируются как культурное богатство будущего [10; 34]. В этом сценарии важной частью преемственности становится способность сообществ и институций адаптироваться к изменчивым технологическим стандартам и обеспечивать долговременную доступность информации.

Гибридный сценарий отражает взаимодействие материального и цифрового. Он включает проекты, сочетающие физические объекты с цифровыми следами: цифровые реплики музейных экспонатов, AR-экскурсии по археологическим объектам, VR-восстановления исторических пространств. Такой подход демонстрирует, что материальные артефакты обретают новую жизнь через цифровые медиа, расширяя свою аудиторию и смысловое присутствие. Примеры включают виртуальные реконструкции разрушенных объектов культурного наследия, которые становятся доступными в онлайн-форумах и образовательных платформах.

Сетевой, или коммуникативный, сценарий представляет наследие как *сообщество практик*, где преемственность формируется не через отдельные объекты, а через сетевые взаимодействия участников. В этом сценарии центральным становится коллективное творчество, обмен цифровыми медийными продуктами, культурные мемы, сообщества практики. Примером являются интернет-творчества, меметическая культура, краудсорсинговые проекты документации локальных традиций. Здесь преемственность не привязана к физическому носителю, а поддерживается устойчивыми социальными связями и кодами коммуникации.

Анализ этих сценариев показывает, что механизмы формирования будущего наследия разнообразны и не сводятся к одному доминирующему пути. В каждом из них ключевую роль играют не только объекты, но и *процессы интерпретации, социальное участие, технологическая инфраструктура*, а также *этические установки*, определяющие, что считается значимым для сохранения.

Таким образом, сценарный анализ демонстрирует, что наследие будущего формируется через сложное переплетение институциональных, инновационных, гибридных и сетевых механизмов. Эти сценарии служат оперативной моделью для понимания того, какие культурные феномены имеют потенциал стать значимыми для будущих поколений, а также какие стратегии отбора и сохранения будут эффективны в условиях динамичного культурного и технологического ландшафта.

Этические и философские основания предвосхищающего отбора

Этические аспекты предвосхищающей интерпретации культурных феноменов выступают центральным элементом в понимании наследия будущего. Основной этический вызов заключается в том, что *отбор* объектов и практик для включения в будущую память неизбежно сопряжён с ценностными решениями: что считать значимым, какие сообщества и группы должны быть представлены, как учитывать культурное разнообразие и социальную справедливость. Эти вопросы находятся на пересечении культурной философии, этики и социальных наук.

Философия культуры традиционно рассматривала наследие как объект прошлого, призванный укреплять коллективную память в настоящем. Однако при переходе к предвосхищающей парадигме возникает вопрос о *правах будущих поколений* на конструкцию памяти: могут ли нынешние поколения навязать свои ценностные перспективы будущим? В рамках этики наследия это соотносится с идеями ответственного взаимодействия между поколениями, где важным является уважение не только к прошлому, но и к будущим культурным агенциям, которые будут жить с результатами наших решений [28].

Важным элементом этической рефлексии является признание множества культурных точек зрения. Критика универсализма в культурной политике показывает, что стандарты отбора, разработанные институциями глобального Юга, могут быть недоступны или неприменимы в локальных сообществах, чем усиливаются культурные неравенства. Так, международные инициативы по охране нематериального наследия призывают учитывать локальные культурные ценности и практики, а не подчинять их универсальным моделям [11]. Это вызов традиционной музейной и архивной политике, которая часто ориентируется на «канонические» объекты культурной значимости.

Этика предвосхищающего отбора также включает ответственность за технологические последствия. В условиях цифровизации культурных практик и появления артефактов “*born-digital*” важно решать, как обеспечить доступность, долговременность и право на приватность цифровой информации. Проблема возникает, например, в отношении пользовательского цифрового творчества, которое может содержать личные данные, авторские права или элементы культурного контекста, требующие аккуратной интерпретации. Это требует этических стандартов, которые балансируют между открытостью доступа и защитой прав субъектов цифровых данных.

Социальная справедливость — ещё один ключевой аспект. Если предвосхищающий отбор ориентирован на объекты, способные «выжить» в культурном пространстве будущего, то важно учитывать, что процессы отбора не должны усиливать маргинализацию уязвимых групп. Это означает, что критерии преемственности должны включать оценку репрезентативности, инклюзивности и участия различных сообществ в формировании списка значимых феноменов. Современные исследования в области культурного наследия отмечают, что включение локальных сообществ в процессы интерпретации способствует устойчивости культурных практик и уменьшает риск их исчезновения [15; 25].

Философский дискурс о наследии будущего также обращается к вопросам автономии смыслов: наследие не должно быть только объектом институционального контроля, но и

ресурсом для творческого самовыражения будущих культурных агентов. Это выводит на передний план *этическое уважение к разнообразию культурных траекторий и праву на множественные будущие*. Теоретики «наследия будущего» подчёркивают, что будущее наследие не должно быть унифицированным набором объектов, а многоуровневой сетью значений и практик, порождённых различными сообществами [18; 19].

Таким образом, этические и философские основания предвосхищающего отбора требуют комплексного подхода, учитывающего права будущих поколений, культурное разнообразие, технологические вызовы и социальную справедливость. Это обеспечивает не только теоретическое обоснование, но и практические ориентиры для разработки критериев отбора, способствующих устойчивой и инклюзивной преемственности культурных значений.

Клирономическая модель критериев предвосхищающей интерпретации

Результаты анализа литературы и эмпирические наблюдения позволили разработать клирономическую модель критериев, ориентированную на оценку культурных феноменов с точки зрения их потенциальной значимости для будущего наследия. Основой модели выступают пять ключевых критериев: темпоральность, культурная инновация, социальная резонансность, технологическая устойчивость и этическая допустимость.

Темпоральность отражает потенциал феномена сохранять значимость на протяжении долгого временного интервала. В отличие от кратковременных трендов, такие явления способны проявлять устойчивость в культурном пространстве. Примером может быть народный обрядовый театр, сохраняющийся в одном регионе столетиями, и при этом получивший новую жизнь через видеодокументацию и онлайн-репрезентации, что усиливает его доступность и переживаемость поколениями.

Культурная инновация характеризует способность объекта или практики создавать новые смысловые структуры. Это особенно важно для гибридных форм, сочетающих традиционные культурные элементы и цифровые технологии, например цифровые перформансы с использованием AR/VR, которые переосмысливают привычные художественные жанры.

Социальная резонансность предполагает, что феномен вызывает отклик в сообществах: участвует в социальных практиках, формирует коллективные смыслы, вовлекает широкий круг участников. Нематериальное наследие, такое как уличные танцевальные движения, активно репрезентируется в социальных сетях и становится реперной точкой для самопознания молодёжных сообществ.

Технологическая устойчивость важна для “born-digital” и гибридных форм. Это способность цифрового объекта сохранять функциональность и доступность несмотря на смену технологических стандартов. Проблема технологической нестабильности отмечается в работах по цифровому наследию: без обеспечения механизмов миграции форматов и эмуляции цифровые объекты рискуют быть утрачены [10; 34].

Этическая допустимость интегрирует ценностные аспекты: объект должен соответствовать принципам уважения к культурному разнообразию, правам субъектов и

социальной справедливости. Это включает анализ структур власти, влияющих на процессы отбора, и предотвращение маргинализации локальных культурных агентов.

Модель предполагает, что оценка феномена должна учитывать *комплексно* все критерии, а не только отдельные из них. Применение этой модели на практике может выглядеть, например, так: анализ цифрового фестивального проекта, который сочетает локальные культурные практики с сетевыми интерактивными элементами, учитывает участие сообществ и способность проекта оставаться доступным вне зависимости от технологических платформ. Оценка по пяти критериям позволяет выявить его потенциал как объекта будущей клирономии.

Таким образом, клирономическая модель критериев предвосхищающей интерпретации представляет собой интегративный инструмент, способный обеспечить взвешенную и многомерную оценку культурных феноменов. Она учитывает как длительность и устойчивость культурных значений, так и инновационный потенциал, социальную значимость, технологическую жизнеспособность и этические аспекты. Это делает модель полезной не только для теоретического анализа, но и для профессиональной практики в музейном деле, архивировании цифрового контента, планировании культурных стратегий и образовательных программ.

Практическая верификация: примеры и кейсы

Практическая проверка разработанной модели критериев осуществлялась на ряде реальных культурных феноменов — материальных, нематериальных и *“born-digital”* — что подтвердило её применимость и информативность. Один из кейсов — цифровой архив современного искусства, созданный крупным музеем (например, виртуальные экспозиции Британского музея), где цифровые реплики и AR-тур по экспонатам активно используются в образовательных и исследовательских программах. Такие проекты демонстрируют, что объекты *“born-digital”* могут играть роль активных носителей культурных значений, когда они адаптированы к образовательным и коммуникативным практикам.

Не менее показательны гибридные проекты: цифровые реконструкции археологических памятников, сочетающие 3D-модели с интерактивными экскурсиями, позволяют преодолевать ограничения физического доступа и делают культурное наследие доступным для более широкой аудитории. В этом контексте технология выступает средством усиления культурной значимости объекта, а не заменой физического наследия. Это подтверждает, что гибридные формы способны увеличить *социальную резонансность* и *темпофальность*.

Нематериальные практики, такие как региональные музыкальные фестивали или традиционные ремёсла, репрезентированные на глобальных платформах, также показали, что участие сообщества и длительность практики являются ключевыми для формирования культурной преемственности. Например, ремесленные практики, документируемые в сетевых сообществах мастеров и передаваемые через видеоруководства, демонстрируют сочетание социальных практик и цифровых следов, которые усиливают их устойчивость. Эти случаи подтверждают, что модель критериев работает как инструмент оценки *социальной резонансности* и *культурной инновации*.

Таким образом, практическая верификация показывает, что клирономическая модель критериев превосходящей интерпретации может эффективно применять как для анализа отдельных феноменов, так и для поддержки стратегических решений в музейной, архивной и образовательной практике. Это подтверждает не только теоретическую состоятельность модели, но и её способность формировать основу для будущих культурных политик и программ.

Междисциплинарная интеграция и институциональные перспективы

Развитие клирономии как междисциплинарного направления требует институциональной интеграции в существующие системы культурного управления, образования и международной политики. В рамках международных инициатив по сохранению культурного наследия такие организации, как UNESCO, ICCROM и ERRIN/CHARTER Alliance, уже выделяют необходимость стратегического подхода к будущему наследию через методы дальновидности и сценарное планирование [3; 13; 34; 35]. Это свидетельствует о том, что идеи превосходящей интерпретации находят отклик на институциональном уровне.

Ключевым направлением интеграции является внедрение *грамотности будущего* — способности понимать, анализировать и формировать будущие сценарии — в образовательные программы гуманитарных и культурных факультетов. Это позволит будущим специалистам не только учитывать прошлое, но и прогнозировать потенциальные траектории культурного развития, оценивать “*born-digital*” и гибридные формы с точки зрения будущей преемственности. Примеры успешной интеграции таких программ уже наблюдаются в ряде европейских вузов, где в курсы музеологии и культурного менеджмента включены модули по цифровому наследию и сценарио-анализу.

Международные культурные проекты, такие как виртуальные библиотеки и цифровые архивы, демонстрируют, что институциональная поддержка критически важна для сохранения артефактов “*born-digital*”. В странах, где культурные политики включают цифровую составляющую, наблюдается более высокий уровень сохранения и доступа к современным цифровым произведениям. Это подтверждается исследованиями о роли нормативных актов и международных стандартов в обеспечении устойчивости цифрового наследия [10; 34; 35].

Наконец, клирономия может служить методологической основой для создания локальных и национальных реестров будущего наследия, которые будут учитывать не только материальные памятники, но и цифровые проекты, сетевые практики, нематериальные традиции и гибридные формы. Это требует пересмотра существующих инвентаризационных практик и развития новых инструментов документации и оценки культурных феноменов.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что междисциплинарная интеграция клирономии в институциональные структуры культурного управления, образования и международной политики не только возможна, но и необходима. Это создаёт основу для устойчивого и инклюзивного подхода к наследию будущего, где

культурные ценности определяются не только прошлым, но и перспективами развития современного культурного поля.

Дискуссия

Актуальность темы исследования, связанной с интерпретацией современного и нового как будущего культурного наследия, подтверждается тем, что в XXI веке процесс осмысления культурного наследия выходит за пределы охранной парадигмы и становится полем для философской, культурологической и этической рефлексии. В условиях стремительной цифровизации, глобальной медиатизации и социальной полифонии вопрос о том, какие феномены настоящего способны стать культурным наследием будущего, приобретает стратегическое значение. По сути, речь идёт о формировании новой формы культурной ответственности — способности предвидеть последствия собственных культурных действий и осознавать их возможное место в преемственности человечества [18; 19; 22]. Именно поэтому клирономическая перспектива, введённая в данном исследовании, представляется не просто академической новацией, но и необходимым инструментом культурного самопознания цивилизации.

Общие проблемы, выявленные в ходе исследования, связаны прежде всего с разрывом между концептуальным и практическим уровнями осмысления культурного наследия. Современные международные документы [3; 11] признают необходимость сохранения не только материальных, но и нематериальных, а также форм культурного выражения категории *“born-digital”*. Однако в реальной практике доминирует консервативный подход, основанный на понятиях материальности, уникальности и статичности. Он плохо соотносится с цифровыми и сетевыми феноменами, где значение создаётся процессуально, а носители подвержены быстрой технологической смене [34; 35]. Отсюда вытекает структурная проблема: как возможно сохранять то, что по своей природе изменчиво, воспроизводимо и многократно? Классическая реставрационная логика здесь оказывается неприменимой, поскольку объекты категории *“born-digital”* не поддаются восстановлению в традиционном смысле, а требуют методов архивной миграции, эмуляции и институциональной гибкости [31].

Вторая группа проблем связана с недостаточной разработанностью философских и этических оснований концепции «наследия будущего». Как показывают работы Харрисона [16] и Холторфа [22], современное наследие — это не только прошлое, но и инструмент моделирования будущего. Однако вопрос о том, кто именно имеет право определять, что станет наследием, остаётся открытым. Существует риск «узурпации будущего» — ситуации, при которой решения о включении тех или иных феноменов в реестр наследия принимаются узким кругом институций, не отражающих культурное разнообразие. Это создаёт угрозу символического неравенства и исключения альтернативных культурных голосов. В этой связи особую значимость приобретают вопросы этики отбора, культурной справедливости и инклюзивности. Как отмечают Киршенблат-Гимблет [25] и Хафстайн [15], нематериальное наследие живёт только при условии участия сообщества-носителя; аналогичный принцип должен быть распространён и на цифровые и гибридные формы, где коллективность производства смыслов становится ключевым условием преемственности.

Методологически исследование столкнулось с рядом трудностей, которые представляют интерес для будущих работ. Первая из них — отсутствие единой базы данных или стандартизированных реестров объектов категории “*born-digital*” и гибридных культурных объектов. Несмотря на усилия UNESCO/PERSIST и инициативы ряда музеев (например, Tate Digital или Rhizome ArtBase), системное архивирование цифровых форм остаётся фрагментарным. Для философского и культурологического анализа это создаёт лакуны: многие объекты исчезают вместе с устаревшими платформами, не оставляя возможности их осмысления в будущем. Таким образом, сама эмпирическая база наследия будущего парадоксально оказывается нестабильной — мы исследуем феномены, часть которых уже недоступна или утрачена.

Вторая методологическая трудность касается границы между научным описанием и нормативным конструированием. Исследователь, анализируя феномен современности как потенциальное наследие, неизбежно участвует в процессе отбора, навязывая определённую систему ценностей. Эта позиция требует особой рефлексии, чтобы избежать подмены научного анализа нормативной оценкой. В настоящем исследовании данный риск минимизировался за счёт введения клирономической модели критериев, где оценка основана не на эстетических предпочтениях, а на параметрах темпоральности, инновационности, социальной резонансности и технологической устойчивости. Тем не менее, эта модель нуждается в дальнейшем уточнении и верификации через междисциплинарные экспертные оценки и эмпирические проверки на большем числе кейсов.

Не до конца решённым остаётся вопрос о соотношении индивидуальной и коллективной памяти в контексте феноменов “*born-digital*”. С одной стороны, цифровая культура демократизирует процессы создания и хранения культурных артефактов, позволяя каждому стать соавтором будущего наследия (например, цифровая фотография, пользовательский контент, меметика). С другой — избыток информации создаёт эффект «профузии» [18; 19], при котором невозможно различить ценное и случайное. Следовательно, требуется не столько расширять перечень сохраняемых феноменов, сколько разрабатывать новые фильтры смысловой релевантности, ориентированные на долгосрочную преемственность. Эта задача не может быть решена в рамках одной дисциплины и требует синтеза культурологии, информатики, философии техники и этики.

Авторы также отмечают трудность операционализации понятия «этическая допустимость». В культурной теории понятие этики наследия до сих пор недостаточно формализовано. Попытка перевести этические принципы в критерии отбора приводит к риску редукции ценностного измерения к административным процедурам. Между тем культурная справедливость и инклюзивность требуют гибких, контекстуальных решений, учитывающих специфику каждой культурной среды. Следовательно, дальнейшее развитие клирономии предполагает формирование новой этической парадигмы, объединяющей принципы универсальности прав человека и уважения к локальной культурной автономии.

Несмотря на эти ограничения, результаты исследования подтверждают, что клирономическая модель способна стать эффективным инструментом анализа будущего

наследия. Её преимущество заключается в интеграции разных уровней — философского, социокультурного и технологического. Она позволяет не только классифицировать феномены, но и оценивать их потенциал долговременного существования, что особенно важно для *“born-digital”* и гибридных форм, подверженных технологической нестабильности. При этом сама концепция клирономии дополняет международную повестку *“наследия будущего”*, предлагая теоретическую основу для осмысления преемственности как процесса смыслового самопроизводства культуры [9].

В перспективе дальнейших исследований можно выделить несколько направлений. Во-первых, требуется расширение эмпирической базы за счёт анализа цифровых архивов, онлайн-музеев и гибридных арт-проектов, чтобы протестировать клирономическую модель на разнородных данных. Во-вторых, необходима разработка алгоритмических инструментов оценки культурных феноменов, основанных на принципах искусственного интеллекта и семантического анализа, что позволит автоматизировать предварительный отбор объектов категории *“born-digital”*. В-третьих, важно создать международные междисциплинарные исследовательские платформы, объединяющие философов, культурологов, ИТ-специалистов, юристов и музейных практиков. Наконец, требуется углубление этической и онтологической части теории клирономии, включая анализ феноменов культурной памяти в эпоху постгуманизма и искусственного интеллекта.

Таким образом, дискуссия показывает, что исследование не только подтвердило значимость перехода от охранной к предвосхищающей парадигме наследия, но и выявило ряд теоретических и методологических пробелов, требующих дальнейшей работы. Клирономия, как новая наука о преемственности культурного бытия, открывает пространство для междисциплинарного диалога, в котором прошлое, настоящее и будущее осмысляются как единый динамический процесс культурного самосохранения человечества.

Заключение

Реализация цели исследования — разработка теоретико-методологической модели предвосхищающей интерпретации современных культурных феноменов как будущего наследия — позволила подтвердить исходную гипотезу о том, что в эпоху цифровой и гибридной культуры наследие перестаёт быть исключительно ретроспективной категорией. Оно становится пространством смыслового проектирования будущего, а интерпретация современного выступает ключевым механизмом формирования преемственности. Результаты исследования показали, что понятие клирономии способно объединить различные теоретические традиции и дисциплинарные подходы, создавая основу для новой парадигмы — науки о преемственности культурного бытия.

В ходе работы была проведена концептуальная реконструкция понятийного поля, где традиционные категории культурного наследия — «памятник», «традиция», «сохранение» — соотнесены с современными понятиями *“наследие будущего”*, *“born-digital”*, гибридности и нематериальных практик. Это позволило выстроить логику перехода от статической модели наследия к динамической, клирономической, в которой главным становится процесс непрерывного производства и передачи смыслов [9; 16]. Таким образом, клирономия оказывается не просто дополнительной дисциплиной, а интегративной

рамкой, соединяющей философию, культурологию, искусствознание, технологии и этику.

Вторым крупным результатом исследования стала разработка матричной типологии объектов будущего культурного наследия. Эта типология систематизирует культурные феномены по осям «материальное — нематериальное — цифровое», «локальное — глобальное — сетевое» и «традиционное — инновационное — гибридное». Такой подход позволяет учитывать сложность современного культурного пространства, где физические и цифровые формы сосуществуют, а культурное значение определяется не только происхождением, но и контекстом восприятия. Матричная модель создаёт основу для прикладных инструментов анализа, необходимых музейным и архивным практикам в эпоху сетевой культуры.

Третьим направлением стало создание клирономической модели критериев предвосхищающей интерпретации, включающей параметры темпоральности, культурной инновации, социальной резонансности, технологической устойчивости и этической допустимости. Эта модель показала, что оценка культурных феноменов должна учитывать не только их прошлое и настоящее значение, но и способность сохранять смысловую ценность в будущем. В частности, феномены цифрового искусства, интерактивных инсталляций, онлайн-практик показали высокую степень инновационности и социальной вовлечённости, что делает их важными объектами будущей клирономии [10; 31].

Практическая апробация модели на конкретных кейсах — цифровых архивах, виртуальных музеях, ремесленных сообществах и гибридных проектах — подтвердила её применимость. Эти кейсы показали, что феномены, ранее находившиеся вне поля традиционного наследия, обладают высоким потенциалом преемственности, если обеспечена их социальная резонансность и технологическая устойчивость. В то же время выявленные трудности (нестабильность платформ, отсутствие единых стандартов цифрового архивирования, неопределённость правовых режимов) указывают на необходимость институциональных реформ и разработки новых нормативных инструментов.

Особое внимание в заключении следует уделить этико-философскому измерению клирономии. Предвосхищающее наследие требует иной системы моральных координат — отказа от универсалистских схем в пользу полицентрической, диалогической модели, где различные культурные сообщества участвуют в совместном определении значимого. Этический поворот в наследиеведении предполагает уважение к множественности культурных будущих и отказ от иерархии культурных ценностей. Таким образом, клирономия становится не только теорией преемственности, но и практикой культурного равенства.

На институциональном уровне результаты исследования могут быть использованы для формирования национальных и международных реестров будущего наследия, обновления образовательных стандартов по музеологии и культурному менеджменту, а также для разработки стратегий цифрового сохранения. Предлагаемая модель открывает возможность интеграции *грамотности будущего* в систему подготовки специалистов по сохранению культурного наследия [3; 29]. Это позволит объединить философское

осмысление, технологическую экспертизу и этическую ответственность в едином профессиональном контексте.

Результаты исследования имеют значимость для разных категорий специалистов: для философов — как основание переосмысления онтологии культуры и памяти; для культурологов и искусствоведов — как инструмент анализа гибридных и “*born-digital*” форм; для музейных работников и архивистов — как практическое руководство по оценке и сохранению новых типов артефактов; для студентов и исследователей — как методологическая основа для изучения механизмов культурной преемственности.

Итоговые выводы позволяют сформулировать несколько принципов будущих исследований в области клирономии и наследия будущего:

1. Переход от статичной модели хранения к процессуальной модели смыслового воспроизводства.
2. Необходимость междисциплинарной интеграции философии, технологий и социокультурных практик.
3. Признание “*born-digital*” и гибридных форм равноправными носителями культурной памяти.
4. Этическое обеспечение права на множественные культурные будущие.
5. Институционализация клирономии как новой метадисциплины гуманитарного знания.

Таким образом, проведённое исследование подтвердило исходную гипотезу: современное и новое могут рассматриваться как будущие объекты культурного наследия при условии их клирономической интерпретации. Культура, обладая способностью к самопроизводству смыслов, формирует не только память о прошлом, но и память о будущем — то есть потенциал для собственной преемственности. В этом заключается главная идея клирономии как науки о живом культурном времени — науки, соединяющей прошлое, настоящее и будущее в едином гуманитарном горизонте.

Конфликт интересов

Авторы заявляют, что конфликт интересов отсутствует.

Список источников информации

1. Буйчик А. Клируномия – наука о сохранении историко-культурного наследия // Современные научные исследования и инновации. — 2019. — №3. — С. 90–93. — URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/a3f576d7-3138-4d6c-8c4c-a68c6395ea4c>
2. Altshuler B. Collecting the New: Museums and Contemporary Art. — Princeton University Press, 2005. [= Альтшулер Б. Собирая новое.]
3. Anticipating Futures for Heritage: ICCROM Foresight Initiative – Horizon Scan Study. — ICCROM, 2023. [= Предвосхищая будущие сценарии для наследия.]
4. Buchli V., Lucas G. Archaeologies of the contemporary past: Introduction // Internet Archaeology. — 2001. — № 66. [= Бакли В., Лукас Г. Введение к археологиям современного прошлого.]. — URL: <https://doi.org/10.11141/ia.66.2>
5. Buchli V., Lucas G. Archaeologies of the Contemporary Past. — Routledge, 2001–2002. [= Бакли В., Лукас Г. Археологии современного прошлого.]. — URL: <https://doi.org/10.4324/9780203185100>

6. Buychik A. The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook // Klironomy. — 2021. — № 1. — С. 103–148. [= Буйчик А. Формирование клиронимического мышления в системе социального мировоззрения.]. — URL: <https://doi.org/10.47451/phi2020-12-001>
7. Buychik A. The studies in preserving cultural heritage: The methodological apparatus of the new sciences of theoretical klironomy // Culture and Arts in the Context of World Cultural Heritage. — Klironomy. — 2024. — № 9. — С. 58–64. [= Буйчик А. Исследования в области сохранения культурного наследия: методологический аппарат новых наук теоретической клирономии]. — URL: <https://doi.org/10.47451/her2024-09-01>
8. Buychik A., Tomanek A. Development of a complex of sciences on cultural heritage based on documentation and economic effectiveness // Actual Issues of Modern Science. — European Scientific e-Journal. — 2024. — № 30. — С. 7–17. [= Буйчик А., Томанек А. Развитие комплекса научных исследований в области культурного наследия, основанных на документации и экономической эффективности.]. — URL: <https://doi.org/10.47451/her2024-04-01>
9. Buychik A. Klironomy: The Science of Cultural Heritage. — Ostrava: Tuculart Edition, 2024. [= Буйчик А. Клирономия: наука о культурном наследии.]
10. Charter on the Preservation of the Digital Heritage. — UNESCO, 2003. [= Хартия по сохранению цифрового наследия.]
11. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: Basic Texts. — UNESCO, 2003/2022. [= Конвенция об охране нематериального культурного наследия: основные тексты.]
12. Depocas A., Ippolito J., Jones C. Permanence through change: The variable media approach. — Guggenheim/Langlois Foundation, 2003. [= Депокас А., Ипполито Дж., Джонс К. Постоянство через изменение.]
13. Dynamics and Future Scenarios for the Cultural Heritage Sector. — ERRIN / CHARTER Alliance, 2024. [= Динамика и сценарии будущего сектора культурного наследия.]
14. Future Trends on Cultural Heritage Research & Innovation. — ARCHE Consortium, 2023. [= Будущие тренды исследований и инноваций в области наследия.]
15. Hafstein V. T. Intangible heritage as a list: From masterpieces to representation. — Routledge, 2008. [= Хафштайн В. Т. Нематериальное наследие как список.]. — URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203884973-10/>
16. Harrison R. Beyond “natural” and “cultural” heritage: Toward an ontological politics of heritage in the age of Anthropocene // Heritage & Society. — 2015. — № 8. — С. 24–42. [= Харрисон, Р. За пределами “природного” и “культурного” наследия: к онтологической политике наследия в эпоху антропоцена.]. — URL: <https://doi.org/10.1179/2159032X15Z.00000000036>
17. Harrison R., Bartolini N., DeSilvey C., Holtorf C., Lyons A., Macdonald S., May S., Morgan J., Penrose S. Heritage futures // Archaeology International. — 2016. — № 19. — С. 68–72. [= Харрисон Р. и др. Наследие будущего.]. — URL: <https://doi.org/10.5334/ai.1912>
18. Harrison R., DeSilvey C., Holtorf C., Macdonald Sh., Bartolini N., Breithoff E., Fredheim H., Lyons A., May S., Morgan J., Penrose S. Heritage futures: Comparative approaches to natural and cultural heritage practices. — UCL Press, 2020. [= Харрисон, Р. и др. Наследие будущего: сравнительные подходы к природному и культурному наследию.]. — URL: <https://doi.org/10.14324/111.9781787356009>
19. Harrison, R., DeSilvey, C., Holtorf, C., Macdonald, Sh., Morgan, J., & Penrose, S. Heritage futures (project overview). — UCL, 2020. [= Харрисон и др. Проект «Наследие будущего».]
20. Harrison R., Sterling C. Deterritorializing the future: Heritage in, of and after the Anthropocene. — Open Humanities Press, 2020. [= Харрисон Р., Стерлинг К. Детерриториализация будущего: наследие в эпоху антропоцена, до и после неё.]
21. Heritage and Foresight: Quarterly Report Highlights. — ICCROM, 2022. [= Наследие и дальновидность: основные моменты ежеквартального отчёта.]
22. Holtorf C. The climate heritage paradox: How rethinking archaeological heritage can address global challenges of climate change // World Archaeology. — 2024. — № 55(3). — С. 268–281. [= Холторф, К. Парадокс климатического наследия: как переосмысление археологического наследия может помочь в решении глобальных проблем, связанных с изменением климата.]. — URL: <https://doi.org/10.1080/00438243.2024.2320122>

23. Holtorf C., & Bolin A. Heritage futures: A conversation // *Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development*. — 2024. — № 14(2). — С. 252–260. [= Холторф, К., Болен, А. Наследие будущего: разговор.]. — URL: <https://doi.org/10.1108/JCHMSD-09-2021-0156>
24. ISO 14721: Open Archival Information System (OAIS). — ISO, 2025. [= ИСО 14721: Открытая архивная информационная система (OAIS).]
25. Kirshenblatt-Gimblett B. Intangible heritage as metacultural production // *Museum International*. — 2004. — № 56(1–2). — С. 52–65. [= Киршенблатт-Гимблетт Б. Нематериальное наследие как метакультурное производство.]. — URL: <https://doi.org/10.1111/j.1350-0775.2004.00458.x>
26. Knell S. J. *Museums and the Future of Collecting* (1st/2nd ed.). — Ashgate/Routledge, 1999/2004. [= Кнелл С. Музеи и будущее коллекционирования.]
27. Knell S. J. *Museums and the Future of Collecting*. — Routledge, 2017. [= Кнелл, С. Музеи и будущее коллекционирования.]
28. Mangnus A. C., Oomen J., Vervoort J. M., Hajer M. A. Futures literacy and the diversity of the future // *Futures*. — 2021. — № 132. — С. 102793. [= Мангнус и др. Грамотность будущего и множественность будущего.]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102793>
29. Miller R. *Transforming the future: Anticipation in the 21st century*. — UNESCO / Routledge (OA), 2018. [= Миллер Р. Трансформация будущего: предвкушение в 21 веке.]. <https://digitallibrary.un.org/record/1494609/files/264644eng.pdf>
30. Reference Model for an Open Archival Information System (OAIS). Recommended Practice. CCSDS 650.0-M-3. — Magenta Book, 2024. [= Эталонная модель для открытой архивной информационной системы (OAIS).]
31. Rinehart R., Ippolito J. *Re-collection: Art, New Media, and Social Memory*. — MIT Press, 2014. [= Райнхарт Р., Ипполито Дж. Воспоминание: искусство, новые медиа и социальная память.]
32. Rothenberg J. *Using emulation to preserve digital documents*. — Koninklijke Bibliotheek, 2000. [= Ротенберг, Д. Эмуляция для сохранения цифровых документов.]. — URL: <https://doi.org/10.3366/hac.2000.12.3.374>
33. Smith L. *Uses of Heritage*. — Routledge, 2006. [= Смит Л. Использование наследия.]
34. The UNESCO/PERSIST Guidelines for the Selection of Digital Heritage for Long-Term Preservation. — UNESCO, ICA, IFLA, 2016. [= Рекомендации по отбору цифрового наследия.]
35. The UNESCO/PERSIST Guidelines for the Selection of Digital Heritage for Long-Term Preservation. — UNESCO, ICA, IFLA, 2021. [= Руководство по отбору цифрового наследия.]